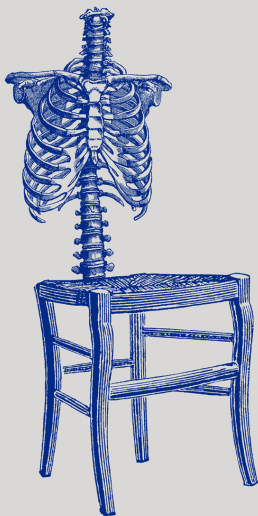

денис
безносов

свидетельства
обитания

издательство
ивана лимбаха

роман

Денис Безносков

Свидетельства обитания

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70099885

Безносков Денис. Свидетельства обитания: Издательство Ивана

Лимбаха; СПб; 2023

ISBN 978-5-89059-508-9

Аннотация

Роман Дениса Безносова «Свидетельства обитания» – полифоническое размышление о катастрофе и тоталитаризме. Хор голосов, сотканный из монологов, потоков сознания, кинохроники и пропагандистских роликов, фиксирует историю разрушения. Реальные явления доведены до предела, происходящее конфликтует с привычной логикой. Мир в ситуации катастрофы предстает разобренным, и читателю приходится самостоятельно собирать картину целого. В тексте встречаются реальные персонажи – кинорежиссер-документалист Ивенс, художники Герхард и Кляйн, стареющий актер Бастер К. и дизайнер мебели Вегнер. Но основная его материя – полилог четверых безымянных, оказавшихся взаперти, лишенных возможности когда бы то ни было покинуть свое убежище.

Содержание

1	7
2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Денис Безносков

Свидетельства обитания

© Д. Д. Безносков, 2023

© Д. В. Ларионов, предисловие, 2023

© Н. А. Теплов, оформление обложки, 2023

© Издательство Ивана Лимбаха, 2023

* * *

ДЕНИС
БЕЗНОСОВ

свидетельства
обитания

роман

издательство ивана лимбаха
санкт-петербург | 2023

1

Современная русскоязычная проза блестяще переводит скачущие координаты исторических катастроф в приемлемые для литературы регистры: мы знаем если не всё, то очень многое о людях и положениях короткого – или, напротив, слишком долгого – XX века, оказывающегося бездонным источником для объяснения себя и своих реакций. Но, погружаясь в прошлое, всматриваясь в его роскошные узоры или скудные чертежи, новая проза как бы расписывается в том, что происходящее в настоящем времени не особенно-то и интересно, неоригинально и, в общем-то, не заслуживает внимания. Скорее, отчаянная современность возникает на страницах поэтических сборников или, до недавнего времени, театральных представлений, а прозаические тексты занимают днем вчерашним или даже позавчерашним, по отношению к которым уже возникла дистанция.

Но роман поэта и критика Дениса Безносова «Свидетельства обитания» выделяется из этого ряда, резко переводя внимание на настоящее время. По сути, перед нами один из первых крупных прозаических текстов, действие которого происходит во временных пределах сегодняшней катастрофы. У нее своя непредсказуемая логика, а ее язык реконструируется *in real time*, буквально из воздуха, в котором остро ощущается приближающаяся ударная волна. Ее тра-

екторию также не представляется возможным отклонить. Несмотря на то что сам Безносков в авторском комментарии отказывается от привязки романа к конкретным событиям, его верхней временной границей так и хочется назвать начало или разгар пандемии COVID-19, когда разнообразные ограничения сформировали международное коллективное тело, речь которого проливается на страницы романа. Но довольно скоро на прошитую тревогой речевую реальность наплывает реальность военно-политическая, выплескивающаяся в виде весьма правдоподобных (не путать с правдивыми) аудио-ключами: принадлежащие всем и никому голоса возникают без повода, из ниоткуда и также внезапно исчезают. Разрешающая способность основного художественного приема романа помещает нас в эпицентр неопределенности, где и производится речь социального тела, лишённого всех связей, а на месте разрушения образуются смысловые пустоты, которые наполняются страхом и отчаянием. Нет смысла рассуждать, внутренняя ли это речь или социально обусловленное продолжение сознания – так самовыражается коллективность, которую и стремится зафиксировать в своем романе Безносков:

Я больше всего боялся чего-то подобного. Когда проснулся, а кругом ничего нет. Такой перманентный страх. И нельзя, как раньше. Я про что-то такое читал, слышал, видел в кино. Но боялся, что будет. Теперь. Даже не знаю. Тогда все вдруг начали друг другу

звонить. Спрашивали, ты где, как ты, все ли в порядке. Мама позвонила утром, плакала в трубку. Я не сразу. Был сначала уверен, что не может быть. Не бывает, чтобы утром проснулся, а кругом ничего нет. Должны быть какие-то предпосылки.

Подобный монолог мог бы продолжаться, но Безносова интересуется не литературное конструирование социальных типов, но взаимное острашение анонимных голосов, образующих своего рода *социальную сеть* тех, кто подает сигнал бедствия. Будет ли он услышан?

2

Создается впечатление, что привычные понятия *роман* и *действие* не очень подходят к книге Дениса Безносова – меньше всего он стремится к назойливой психологизации, литературной ретерриториализации, занимательной фабулизации катастрофических событий. Возможно, гораздо лучше для этого текста подошли бы слова *сборка* и *длительность* соответственно, ведь автор оставляет нас один на один с технологическим (вос)производством речи, порой неподъемной в своей материальности.

Недаром в союзники Безносов берет изобразительное искусство и авангардный кинематограф. Йонс Ивенс, Дзига Вертов, Ив Кляйн, Герхард Рихтер, etc. – представители героического периода художественного авангарда (к которому сегодня опять прикованы взоры авторов и исследователей), стремились выразить невыразимое или, точнее, найти эстетическую идиому, в которой преломляется грядущая современность. Работая с абстрактными образами, они видели авторскую задачу в не лишенной ангажированности инструментовке материальных потоков, проходящих сквозь движущиеся (Вертов, Ивенс) или остановленные (Рихтер) образы.

Названные авторы боролись с ригидными способами репрезентации, выходя за грань жанровых конвенций. Как и многие современные произведения, возникшие в ситуации

почти круглосуточного существования в социальных медиа, «Свидетельства обитания» курсируют между возможностями различных средств выражения и в другой ситуации могли бы стать пластическим перформансом для актерской или танцевальной труппы. Или видеоигрой, преодолевающей границу реальности и вторгающейся в нашу повседневность.

Подобная протейичность – результат авторского эксперимента по сближению открытости современной европейской прозы и бескомпромиссности советской неподцензурной литературы, для которой инфраструктурные ограничения были поводом для изобретения новых способов выражения. Так, Павел Улитин разработал исключительный способ создания произведений, позволяющий сохранить аффект, лежащий в основе социального опыта, причем радикальность его подхода делала границу между литературой и нелитературой весьма условной. Подход Безносова, также имеющего страсть к полифоническому письму («коллаж из монологов, потоков сознания, публичных выступлений, вымышленных кинохроник и пропагандистских роликов» – так сам автор определяет структуру своей книги), более конвенционален: он стремится сделать фактом литературы вытесняемый на обочину зрения опыт жителя большого города, чье внимание рассредоточено между множеством информационных объектов. Книга перенасыщена отсылками к самым разным областям опыта – от сложной модернистской поэзии до эл-

липтичного повседневного языка, — но она не требует каких-то особых рецептивных возможностей. Свидетельства обитания адресованы всем.

*The fear that the human race might not survive has
been replaced by the fear that it will endure*
William Gass

Innego końca świata nie będzie
Czesław Miłosz

*глухой шум, шевелящийся едва осязаемо, разбредаящийся
ходуном по поверхности лестничной площадки, я ему так
и сказала, грохочущие гулко механизмы, человеческие суще-
ства, автоматические пульсации, шебаршение всего, преоб-
разование веществ, постепенное замедление природы, по-
роды, конусообразное движение воздуха, нарушение повто-
ряющихся последовательностей, кажется, что-то пошло
не так, музыка, нечто похожее на грохочущую музыку,
скорее всего сирена, вращение неизбежно оглушающего зву-
ка, сплошное гулкое шипение, когда машины, гудение, когда
что-то происходит, когда не происходит ничего существен-
ного, когда она мне позвонила, я ехал в метро, на самом де-
ле они действуют как задумали, пожалуйста, успокойся,
ты можешь говорить хоть немного громче, передай маме,
что у нее дочь плохо себя ведет, когда я пришел там все бы-
ло закрыто, ты что глухой, я ни слова не понимаю, здесь
шумно дай выйду наружу, никогда так не говори, не обра-*

щай внимания, а ты попробуй так ему и сказать ни к чему терпеть такое поведение, ибо ему откроется царствие небесное, приобретайте по низким ценам, высокое качество, глухая пустотная монотонная пустота, ожидаютя осадки, в дальнейшем ситуация стабилизируется, как вам кажется, это было сделано намеренно, не мне тебе объяснять, что это типичное поведение, скажут идти пойдешь, ну не смотри на меня так, ты можешь вести себя нормально, оттуда откуда-то изнутри взбирается всполох, расплзается поверху, исчезает, даже не пытайся, никто не заметит, бери, ничего не будет, у всех дети как дети, давай остановимся отдышись, мне очень страшно, скажут значит сделаешь, но это же очевидно, разрушение незаметно назревает в самом нутре, попробуй вкусно, никогда так большие не делай, не плачь, успокойся, ладно потом договорим

Представьте, вы идете по улице. Из точки а в точку б. Или просто слоняетесь без дела. Движетесь в пространстве. Куда-то. Прогуливаетесь. Идете по улице. Проходите какие-то здания, кафе, магазины. Вокруг, разумеется, люди. Цветочница торгует цветами, нищий просит милостыню, какой-то мужик разговаривает по телефону. И так далее. Но на самом деле есть последовательность.

Заведомая.

Возможно, заведомая.

Божий промысел.

Закашливается.

Нет, не так примитивно. Скорее текст.

Текст.

Предумышленная последовательность действий.

Когда мне было лет восемь, я, засыпая, всегда себе представлял варианты развития каких-то событий. Причем достаточно реалистичных.

Какой скучный ты был ребенок.

Это называлось в моей голове мечтать.

Смотрите.

Забавный старик. Похож на художника.

Потому что лохматый.

Потому что лохматый, с бородой.

Кажется, его все знают.

То есть хочешь сказать, что все предопределено. Это скучно. Об этом кто только не говорил.

Я про другое. Вы идете по улице, а на самом деле существуют инварианты развития событий. Скажем, вы можете пойти в магазин. Или за цветами. За каким-то инструментом. За продуктами.

Математика. Можно рассчитать.

Он всем руки пожимает.

Или в ресторан.

Есть такой фильм. Там примерно такая ситуация. Человек живет как ни в чем не бывало, пока вдруг не понима-

ет, что у него есть определенная сюжетная функция. Что он должен делать не то, что ему нужно, а то, что обусловлено фабулой.

Ну и чего в этом интересного.

Ничего. В том-то и дело, что ничего интересного

Закашливается.

Ничего интересного. Все как бы понятно.

Я тоже думаю, что ничего интересного.

Что там.

Не знаю.

Что-то случилось.

Что-то произошло. Вон там.

Нас это не касается.

Мне тоже так кажется.

Видишь, сколько народу.

Отсюда ничем не поможешь.

Опять.

Попробуй голову запрокинуть. Голову, говорю, запрокинь. Держи.

У меня это с детства.

Кажется, им нужна помощь.

Мы вряд ли чем-то поможем. Сами разберутся.

Салфетку, держи салфетку.

Странно как-то. Явно что-то произошло. Художник сидит и смеется.

Отойди от окна.

Почему.

Потому что ничего полезного для тебя там нет. И не будет.

Я просто наблюдаю.

Просто наблюдать бессмысленно. И опасно, если заметят.

Не заметят.

Ты не можешь знать наверняка. Отойди.

Хорошо.

Может, что-то нужно предпринять.

Мы ничего не можем предпринять.

Можно выйти.

Выходить опасно. Даже стоять вот так опасно.

Не заметят. Оттуда ничего не видно.

Ты же отсюда их видишь.

Заметят. Внимательные. Чем дальше, тем внимательней.

Толпу всегда хорошо видно издалека.

Если заметят, что тогда.

Ничего. Ничего хорошего. Поэтому аккуратней. И лучше

пока погасить.

Чтобы в темноте.

Так незаметней.

Но ничего не видно.

К этому привыкаешь. Это временно. Потом включим.

Хорошо.

Лучше пока в темноте. И давайте тихо.

Нам нужны какие-то правила.

Рано. Посмотрим, как будет. Пока предосторожность.

И сколько так.

Посмотрим, как будет.

На стекле что-то написано черной краской, но надпись не разобрать. Камера направлена на стеклянную дверь, зафиксирована, не движется. Мимо проходит мужчина с большой продолговатой сумкой, останавливается у стеклянной двери, ставит сумку на землю, щурится, читает. Моросит дождь, под светом фонаря видно роящиеся капли. Читая, мужчина что-то бормочет себе под нос, вероятно, читая вслух, некоторое время задумчиво стоит на месте, поднимает с земли сумку, уходит из кадра. Ничего не происходит. По улице идут три женщины, переговариваются, смеются, проходят стеклянную дверь, мимо, ничего не замечая. Стеклянная дверь открывается, из нее выходит человек, откуда не понятно, мужчина или женщина, встает справа от двери, закуривает, курит, выпускает густой дым изо рта и ноздрей, докуривает, бросает окурок в лужу, уходит обратно. Ничего не происходит. Дождь становится сильнее, теперь его видно не только возле горящего фонаря. За кадром слышны детские крики, издали, несколько приглушенно. Идет женщина, останавливается у стеклянной двери, щурится, читает надпись, застывает, она явно поражена, перепугана, оглядывается по сторонам, потом снова читает надпись, кажется, она плачет, выражение лица размыто.

Я больше всего боялся чего-то подобного. Когда проснулся, а кругом ничего нет. Такой перманентный страх. И нельзя, как раньше. Я про что-то такое читал, слышал, видел в кино. Но боялся, что будет. Теперь. Даже не знаю. Тогда все вдруг начали друг другу звонить. Спрашивали, ты где, как ты, все ли в порядке. Мама позвонила утром, плакала в трубку. Я не сразу. Был сначала уверен, что не может быть. Не бывает, чтобы утром проснулся, а кругом ничего нет. Должны быть какие-то предпосылки. Потом стал потихоньку понимать, что были. Изнутри не видно. То есть кто-то видел. Через пару часов перезвонил, говорил спокойно, рассудительно, успокаивал. Ничего страшного не происходит. Просто временное. Пройдет. Надо перетерпеть. Всегда что-то происходило. Это не повод паниковать. Потом, прошла примерно неделя, стало страшно. Так у многих. Много кого знаю, кто не сразу понял. Хотя, может, нормально, что не сразу. Потом вот это, все видели, после этого что делать. Как быть после этого.

Утром ему кажется, что ночью в квартире переставили предметы. Мебель как будто теперь не там, где была всегда. Встает, аккуратно ступает, идет босиком по холодному паркету, натывается на что-то, вероятно, кресло или стул, включает лампочку в коридоре, заворачивает на кухню. Потом возвращается, выключает лампочку. По утрам ему всегда кажется, что помещение было изменено, и теперь ему придется

привыкать к новому порядку вещей. В этот раз это ощущение как будто обострено. Пока он не может сформулировать.

Опять не спал полночи.

Да. Что-то не получается.

По утрам всегда плохо, как ни крути, кусок в горло не лезет, когда-то дед будил в шесть, срывал одеяло, включал свет, потом говорил, привыкнешь, не привык, потом и дальше вот так.

Говорят, теперь нельзя устраивать массовых скоплений.

Думает.

Так нет нигде никого.

А теперь официально нельзя.

Что с нарушителями.

Бьют.

Или под замок.

От сколько скопления массовые.

Если больше двух.

Сколько мы тут.

Не знаю. Долго. Давно.

Ставит чайник, всегда заваривает кофе кипятком, это неправильно.

Тоже не могу понять сколько.

Мне звонили.

Опять.

Не подходил.

Странно как-то, вроде тепло, а здесь холодно. Попробуй откашляться.

Не может.

Не могу.

Может, бросить курить.

Пробовал. Толку никакого.

Молчат.

Ты же знаешь, заваривать кофе кипятком неправильно.

Неправильно.

Попей воды.

Не надо. Пройдет.

Выключи в коридоре свет.

Пускай горит. Не нравится мне темнота. Его не видно.

Аккуратнее. Не обожгись.

Не обожгусь.

Так кофе теряет полноценный вкус.

Мне плевать на полноценный вкус.

Вряд ли он тебе поможет проснуться.

Вряд ли. Я его слишком много пью. Организм не реагирует.

Тогда зачем.

Привычка.

Вкус у него неправильный, блеклый. Толку от него нет.

Нет.

Но ты пьешь.

Привычка. Хочешь.

Нет.

Напрасно. Это своего рода медитация.

Мне достаточно чая.

В нем кофеина больше.

Кто сказал.

Читал. Не помню где. Но это вроде бы хорошо известный научный факт.

Очередной известный факт.

Впервые слышу. Почему тогда весь мир пьет по утрам кофе.

Привычка.

У всего мира.

Хорошо работает реклама кофейных компаний.

У индейцев тоже хорошо работала реклама. Мне дед как-то рассказывал, что его приятелю в Бразилии налили маленькую чашечку крепкого кофе. Тот возмутился, мол, чего так мало. Ему налили большую. Он выпил. Стало плохо с сердцем, еле откачали.

Такого кофе у нас нет.

Но кофеина в нем явно было больше, чем в чае.

Ты просто не пил хорошего чая.

Судя по всему, я вообще ничего хорошего не пробовал.

Натурального.

Чего.

Не пробовал ничего натурального. Хорошее пробовал. А натурального нет. Химия.

То есть это такой искусственно выведенный, по-твоему, напиток.

По моему ощущению, все, что мы так или иначе употребляем, искусственное, бутафорское. Как реквизит в театре.

Чай вместо коньяка.

Пенопласт вместо еды. Да. Примерно так. Но да, держимся на привычках.

Употреблять еду тоже привычка.

На привычках. Физиология. Рефлексы. Всё как бы такие же привычки.

Можно попробовать выйти из игры.

Из физиологии.

Нельзя. Надрессированы. Выйти нельзя. Так кажется. Заблуждение.

Может, и так.

Скорее всего, так.

В детстве мне казалось, что главное место в квартире, это коридор. По нему больше всего ходят. Если бы его не было, никто бы не мог никуда прийти. Все бы просто оказывались в комнате. На кухне. Оказывались без пребывания между. И не могли бы никуда больше переместиться.

Чушь какая-то. Есть квартиры без коридоров. Комната соединяется с комнатой.

Чушь.

Ты был глупым ребенком.

Все дети глупые.

Некоторые немного глупее.

Держи аккуратнее. Обольешься.

А мне казалось, что не чужь. Я поэтому все время ходил по нему туда-сюда. Ходил и думал, что это самое важное и нужное место. Там телефон еще стоял. Нигде не было, а в коридоре стоял. И все им пользовались. Коридор соединялся с прихожей. В прихожей была входная дверь. В нее все приходили и уходили. В нее вносили и уносили.

Есть такое свойство у входных дверей.

Хочешь.

Нет. Живот болит со вчерашнего.

Давно спит.

Пару часов. Тоже не спал всю ночь. Но мы не говорили.

Почему.

Мы выходили в разное время.

Я вот думаю пойти в гостиную.

Иди.

А ты.

А я пока тут посижу. Живот болит.

Выпей таблетку.

Выпил.

Ляг, лежи.

Ему кажется, что все это было вчера.

Кажется, все это было вчера.

Было.

Вчера тоже казалось.

Да. Ничего удивительного.

Думаешь, закончится.

Думаю, нет.

Красиво светит фонарь.

И небо красивое.

Химическая реакция. Как-то объясняется. Изученный факт.

Всегда все объясняется.

И это.

И это.

Сижу, продолжаю смотреть. Один говорит, после него другой, похожий на первого. Разными словами, в разном порядке, одно и то же. Выключаю. Передохнуть, отвлечься, сосредоточиться, проследить за мухой на потолке, на стене, на полке с чашками. Подойти к окну, увидеть, как в небе созревает дождь, вот-вот будет, говорят, надолго. Непрерывное серое, постройки, неотделимые от фона деревья, детская площадка внизу, две асфальтированные дорожки, крест-накрест, покосившийся забор, за ним еще деревья, сквозь ветки видно здание школы, стены желтоватого цвета. Обратно. Включаю. Источник информации. Одно и то же. Говорящие как-то различаются. Например, цветом волос, наличием, отсутствием волос, у некоторых очки. В остальном одинаковые костюмы, часто по пояс, позы, приблизительно четыре допустимые, одинаковые реплики, с допустимыми вариаци-

ями от себя, допустимое количество запинок, скажем, разрешено один раз закашляться, тщательно отмеренные паузы, фоновый шум, аудитория вне кадра переговаривается, изредка вспышки, аплодисменты во время затянувшихся пауз, предназначенных для допустимой реакции. Смотрят прямо в кадр, на меня, периодически кажется, что прямо мне в глаза, пристально. Следует выключить. Продолжаю смотреть.

Площадь квартиры рассчитывается неким прихотливым методом. Архитектурный план обусловлен конструкцией здания. Коммуникации постепенно устаревают. Условия жизни портятся. С определенной периодичностью требуется уборка жилых помещений, реже генеральная уборка, реже мытье окон, реже ремонт. Существует универсальный цикл ежедневного бытования квартиры. Существует универсальный цикл существования. Существуют одушевленные предметы, населяющие помещение, присутствующие в нем временно. Если разложить происходящее на некоторые составляющие, составляющие покажутся до того жалкими, что будет практически невозможно дать им определение. Если поменять мебель, помещение временно преобразится. Площади квартир одинаково рассчитаны и утроены, но застроены по-разному. Помещения ни в коей мере не удовлетворяют потребностям жильцов, но сопротивляются их пребыванию. Помещения не предусматривают наличия человека. Его присутствие необязательно. Однако возможно, что нет.

Я тогда сидел перед экраном и смотрел. Не мог поверить, что это по-настоящему происходит. Мне почему-то казалось, что так просто не может быть. Тогда. Ну вот, опять. У меня так с детства.

Голову запрокинь ненадолго.

Чего.

Голову запрокинь. И салфетку.

Пройдет.

Пройдет, конечно. Подержи так.

Смотрел, не мог оторваться, спасибо, хотя так, наверно, у всех.

Думаю, у всех.

У большинства.

Подавляющего.

У тех, которые не против, тоже.

У тех тоже.

Хотя они что-то другое испытывали.

Вряд ли.

Почему.

Потому что все разом поменялось.

Может, им этого хотелось.

Может, хотелось.

И они так представляли.

Но не важно. Когда разом меняется, никому не уютно.

Вроде не идет.

Говорил же, пройдет.

Никто не помнит, как начиналось. И когда. Никто не может объяснить, почему, зачем, какова была последовательность событий, которые привели к последствиям. Никто никогда не сможет объяснить, почему все произошло именно таким образом. Но все всё помнят. Все помнят, как отключали электричество, как ничего больше не было, как человек говорил, что, несмотря на очевидное разрушение, потребуются сделать так, чтобы разрушение осуществилось, поскольку в противном случае его не удастся избежать. Он говорит, а объектив записывает. Он есть, его нет, не имеет значения.

Ему снится комната. Такая же комната, но с зелеными стенами и бежевой полоской наверху, как в больнице. С диваном и двумя креслами. Включенный мелькающий телевизор, помехи изображения, как при съемке. Мальчик на диване со странным лицом, как будто ему непонятно. Тумбочка. Голос из тумбочки. Ворчит что-то невнятное. Жарко. Мухи. Телевизор говорит о разновидностях злаковых. Телевизор говорит о последствиях землетрясений. Телевизор поет примитивную песню. Телевизор вскрикивает дребезжащим мужским голосом. Мальчик встает с дивана, подходит к окну. Высовывается. Ловит языком снег. Икона сползает со стены, шлепается с грохотом о бетонный пол. Кошка копается в мусорном ведре. Папа говорит, что ему нравится,

как кричат попугаи. Мальчик начинает петь примитивную песню. Папа говорит о последствиях землетрясений. И в этот самый момент мама вздыхает и начинает плакать. Папа говорит, что это не навсегда. Незнакомая женщина подходит к окну вплотную, протягивает левую руку. Жест, обозначающий тревогу. Кто-то читает вслух инструкцию по использованию стиральной машины, издав далеко. Когда папа начинает задыхаться, мальчик просыпается.

Просьба соблюдать по возможности спокойствие и ожидать дальнейших инструкций. Не подвергайтесь панике, не слушайте, что говорят. Проверьте источники информации. Прислушивайтесь к официальным источникам. Соблюдайте спокойствие. Будьте аккуратны и избирательны. Мы действуем в наших общих интересах. Благодарим за понимание.

Мне в этом году исполнилось восемьдесят девять. Никто не пришел, звонили, прислали два букета. Когда стали рассказывать по телевизору, я сначала подумала, ошибка, разберутся. Потом стали показывать. Я очень нервничала. Я живу одна, много сижу перед телевизором, в основном фильмы, иногда читаю, но глаза болят, устают. Иногда сажусь посидеть на балконе, мне трудно спускаться к подъезду, а здесь тоже свежий воздух. Вот я выхожу туда, сажусь, смотрю в окно, на детскую площадку, там все время кто-то

шумит. Я хожу туда, чтобы не слушать телевизор. Там все странно, непонятно, кто прав, кто виноват, всего же не говорят, всего не узнаем. Только мотают нервы. Я садилась и смотрела. Шел дождь, иногда затихал, внизу всегда кто-то был. От этого шума такое чувство, как будто кто-то есть рядом. На качелях, с таким противным скрипом, просто носились из стороны в сторону, вдоль дома женщина с коляской, там поспокойней, звон от болгарки, какая-нибудь машина с опущенными окнами, громкой музыкой. Когда я была маленькая, в городе было тише. То ли людей было меньше, машин, то ли вели себя по-другому. Воспитание другое. Дети, конечно, капризничали. Вон там раньше была аптека, мы жили в том доме, однажды я устроила истерику, пока мама покупала какие-то лекарства, ну то есть буквально легла на пол, стала стучать руками-ногами, вопить, как подстреленная. Чего я там хотела, не помню, это же аптека. Маме было стыдно, но тогда не кричали, на людях, поэтому она делала вид, что все в порядке, думаю, вокруг все на нее смотрели с осуждением, мол, успокойте ребенка, а она терпела. Потом дома она посмотрела так сосредоточенно мне в глаза и спокойно, шепотом сказала, что мы ведем себя тихо, потому что те, кто шумит, исчезают, как папа. Я очень испугалась. Потом, уже во взрослом возрасте, я все время спрашивала, пыталась выяснить, что все-таки с ним случилось, что она имела в виду, но она не отвечала, отнекивалась, зачем тебе это, сейчас другое время. Потом она заболела, несколько

лет не говорила, мы за ней ухаживали. Раньше было тише. Когда включали музыку, громко разговаривали, танцевали, нам казалось, что мы что-то нарушаем. Иногда делали замечания. Сейчас другие, по-другому живут, может, и хорошо. Мне нравится, когда кто-то шумит, не с дрелью сверху, а голоса, пускай плачет какой-то ребенок или молодые поют по ночам, все равно. Поэтому я вон там сиделась. А потом в какой-то момент все прекратилось, сначала дождь, потом исчезли звуки, за ними женщина с коляской, машины с музыкой, скрип, крики, больше ничего не было, целыми днями только шел дождь, стихая, усиливаясь. У меня даже голова стала гудеть, я старая, у меня всегда что-то болит, каких только операций не делали, вот тут, видите, воспаление тройничного нерва, маленький надрез, болело, как будто кипятком ошпарили, желчный пузырь, киста, вот тут шишку удалили. Стало так тихо, что не по себе. Уже не скажу точно когда. Мне от этой тишины не по себе.

Когда придет.

Чего.

Когда, говорю, придет.

В четверг.

Что это.

Со вчера осталось.

Смотрю, все в сборе.

Полночи не спал.

Почти. Просил не будить.

Он вообще собирается просыпаться.

Не знаю.

Тебе не кажется, что мы странно как-то выражаем свои мысли.

Кажется

Ему не кажется, что мысли выражаются странно, но он говорит иначе.

Когда люди проводят столько времени вместе, неизбежно возникает искусственность. Представь, если бы мы были обезьянами. То есть я уверен, что мы обезьяны по своей глубинной сути. Но представь, что мы все буквально обезьяны. Нас закрыли в замкнутом пространстве, и мы сидим. Коммуникация у нас ограничена друг другом. Привычки. Ты берешь мое полотенце

Мы это проходили.

И оно мокрое все время. Хотя у тебя есть свое полотенце Можешь аккуратнее. Я не люблю воду.

Привычки. Мы живем в замкнутом пространстве и постепенно вырастаем друг в друга. Делимся частицами. Впитываем привычки.

Всё. Я пойду в гостиную.

И в какой-то момент мы становимся единым организмом. Который общается сам с собой. Буквально такой сумасшедший сидит и говорит что-то в стенку. Бормочет. А на самом деле говорит сам с собой. И вот он обязательно выражает

свои мысли странным образом. Он обязательно говорит искусственно. Ну, потому что он говорит сам с собой. Это же смешно смотрится со стороны. Но со стороны не смотрится. Некому потому что. И никто не фиксирует. А он, как дурак, говорит. Знаешь, такие в автобусах ездят. Сидит, бубнит в стекло.

Орет на окружающих.

Орет на окружающих. Чего ты вернулся.

Чашку забыл.

Орет на окружающих, обвиняет их во всех грехах. К стенке, говорит, таких, как вы. Да, всех расстрелять. Да-да, с тобой говорю. Ну и так далее.

Меня такие пугают.

И вот такой же организм сидит взаперти.

Обезьяна.

Обезьяна. Сидит и пытается сам с собой как-то разговаривать.

Это то есть мы так говорим.

Ну да.

Когда приедет.

Он же говорил, что в четверг.

Я же говорил, что в четверг.

Забыл. Прослушал.

Он никогда его не слушает.

Ты никогда меня не слушаешь.

Будешь допивать.

Нет. Остыл.

Я тогда допью.

А еще я, знаешь, о чем подумал. О вот этой инсталляции. Такой механический робот. Неравномерно вращается. В таком аквариуме что ли. Вращается и разбрызгивает красную краску, густую темно-бордовую краску. Прямо по прозрачным стенкам аквариума. Фонтаном. И краска стекает разводами. Как вино в бокале. Ну как когда вращаешь бокал. Разбрызгивает по определенному алгоритму. Конвульсиями. Потом прерывается и начинает краску смывать. Пол протирает, стекла. Его сделал какой-то японец.

Была художница. На площади мыла кости.

Да. Но это другое. Тут запрограммированный механизм

Я тоже про эту штуку читал.

Не сидится.

Не сидится.

Тут запрограммированный механизм совершает действия, явно отсылающие к чему-то. Метафора.

Причем в лоб. Очевидная.

А все-таки непонятно.

Ему всегда что-то непонятно.

Когда приедет, будет по-другому.

Не будет. Будет так же. Но теснее.

Метафора запрограммированного насилия.

Все-таки обыкновенный чай без добавок на вкус, как размоченный в кипятке бумажный пакет.

И у насилия есть зритель.

Он всегда очень много говорит.

Ты всегда слишком много говоришь. Много лишнего.

Но что-то интересно.

Что-то интересно.

Началось в слякотный промозглый день. Выпала месячная доля осадков. Заметно похолодало. Стало тихо. Многие сидели перед телевизорами и громко разговаривали.

Нам тогда сказали, что теперь нельзя передвигаться по городу, как прежде. Что теперь новые правила. Необходимы определенные документы. Определенные процедуры. Но ничего пока не закреплено. Ничего толком не понятно. Периодически давали разъяснения. Говорили, как обстоят дела на самом деле. Ведь много точек зрения. Мало ли кто что говорит. Некоторые говорят заведомую ложь. Подделывают доказательства. Берут и говорят не то, что есть, а что-то совсем другое. Выдают за чистую монету. Говорят и показывают улики. То есть на дурака. Показывают, как на самом деле все было. Что на самом деле происходит. Но мы всегда ждали официальных разъяснений. Знали, чему стоит верить. Как ни крути, есть подлинное и фальшивое. Искушение. В такой непростой ситуации важно иметь в себе фундамент. Стержень. Многое, конечно, было в новинку. Потому что не было какого-то источника. То есть по телевизору

все хорошо и понятно объяснили, но уточнить какие-то детали было не у кого. Это сейчас мы во всем разобрались. Теперь все понятно. Сомнений не осталось. Им просто требовалось время наладить каналы информации. Теперь, так сказать, не сломить. Я как считаю, кто делает, тот верно делает. Кто идет, тот правильно, что идет. Не все тогда это понимали. Кто-то говорил, что, наоборот, надо стоять на месте. Кто-то и стоял на месте. Но в конце концов смирились. Правила есть правила. Ничего не попишешь. Правила надо соблюдать. Иначе все просто развалится. Будет не цивилизация, а непонятно что.

Пустое квадратное помещение. Мужчина со слегка растрепанными волосами. На дальней стене под потолком электронное табло. Ракурс сверху, из угла. Изображение низкого качества, монохромное, без звука, бледные полосы, как с камеры наблюдения. Неподвижно стоит, смотрит перед собой. Гаснет свет. Включается свет. Деревянный ящик кубической формы, в левом углу. Надпись на табло, перенести. Читает, подходит к ящику, поднимает, по движениям заметно, что ящик тяжелый. Переносит в противоположный угол. Табло гаснет. Гаснет свет. Включается свет. Восемь деревянных ящиков, одинаковых, кубической формы. Надпись на табло, перенести. Читает, подходит к ящикам, поднимает, переносит в противоположный угол, ставит. Движения слегка замедленны, заметно, что становится тяжелее. Смот-

рит на табло, надпись не исчезает. Смотрит на перенесенные ящики, поставленные в беспорядке, переставляет их, в две стопки по четыре, первый ящик ставит сверху. Табло гаснет. Гаснет свет. Включается свет. Ровно половина комнаты заставлена ящиками, одинаковыми, кубической формы. Надпись на табло, перенести. С каждым перенесенным ящиком движения замедляются, тяжело дышит, останавливается, продолжает, ставит ящики ровными стопками, вдоль противоположной стены, один за другим. Когда все ящики перенесены, оказывается на той стороне квадратного помещения, где прежде стояли ящики. Табло гаснет. Гаснет свет. Включается свет. Все помещение заставлено ящиками, кроме квадрата, на котором стоит мужчина. Надпись на табло, перенести. Читает, стоит неподвижно, осматривает стопки ящиков. Надпись никогда не гаснет.

Сидишь.

Устал.

Содержит системные яды, канцерогенные и мутагенные вещества.

Молчит.

Знаешь, откуда взялся этот стул. Был такой Ханс Вегнер. Датский архитектор. Проектировщик мебели. Воспитал целое поколение модернистов. Плечник, например. Предлагал искать основания архитектуры не в мертвой забронзовевшей истории искусств, а в самой жизни. То есть как бы жизнь са-

ма по себе отражает потребности человека.

Отто.

Что.

Вагнер. Отто Вагнер.

А. Нет. Я про Ханса. Вегнера. К Плечнику не имеет отношения. Тоже модернист. Тоже функциональность. Так вот, он вдохновлялся животными, скелетами. Он так напридумывал штук пятьсот разных стульев. Стул-павлин. Стул-бык. А этот с вилочковой костью. Знаешь, у птиц. Таковую еще разламывают, когда загадывают желание. Вот это легендарный стул, а ты на нем сидишь.

Неудобный.

Перевернул с ног на голову историю мебелистроения.

Ты думал, что дальше.

Он думал.

Нет. Не знаю. Чего тут думать.

Мне всегда было важно понимать, что будет дальше. Я привык каким-то образом планировать все, что со мной произойдет. А после этого перестал. Стихийно. Поначалу как будто потерял сцепление с землей. Говорят, выбили из-под ног почву. Никогда не понимал выражения. Как Бенджи Компсон. Коровы побежали вверх. Вот у меня коровы побежали вверх в какой-то момент.

Он был с ментальными проблемами.

Мы все теперь с ними.

Потом такие стулья стали тиражировать. Как, впрочем,

и другие изобретения Вегнера. Произведение искусства стало обыденным предметом. Как кастрюля. Или греческая амфора. Еще вот был стул Василий

Сидите в темноте.

Спит.

Не знаю. Не выходит.

Молчат.

Мне сегодня звонили. Не стал подходить.

Ты когда-нибудь разговаривал во сне.

Откуда я знаю. Мне такого про меня не рассказывали. Может, и разговаривал.

Может быть, у тебя какой-то секрет. Ты его всеми силами скрываешь. А потом во сне проговорился.

Я вот думаю, можно ли будет когда-нибудь выйти наружу.

Он не знает, что на это ответить.

Не знаю, что на это ответить.

Не думаю.

Давно уже не выходит.

Пару недель.

Так нельзя.

Почему. Можно.

Это вредно.

Спать.

Находится в запертом помещении. Без воздуха.

Тогда это касается всех.

Его в первую очередь.

Полезного в нашем образе жизни маловато.
Вредного не то чтобы много.
Мы проводим время в закрытом помещении.
Мы открываем окна.
Это ничего не меняет.
Меняет. Свежий воздух.
Не надышишься.
А он нет.
Ничего не меняет.
Пару недель, много.
Не знаю. Может, много.
Когда, по-твоему, пора будет паниковать.
По-моему, никогда.
И ничего не делать.
И ничего не делать.
И соблюдать спокойствие.
Спокойствие и относиться с пониманием.
Потому что безопасность превыше всего.
Потому что не стоит паниковать раньше времени.
Как мы узнаем, когда придет время.
Думаю никак.
Тогда сейчас не раньше времени.
Сейчас раньше.
Откуда ты знаешь.
Не знаю.

Человечество испокон веков демонстрировало чрезвычайную изобретательность. Погребение осуществлялось преданием останков земле, огню, воде, иногда тело умершего подвешивалось в воздухе. Один шотландец, обеспокоенный экологией, изготовил специальную герметичную камеру, в которую вместе с телом заливался гидроксид калия, где бывший человек разлагался менее чем за три часа. Шведы предлагали погружать останки в жидкий азот, замораживать, крошить, предварительно удалив влагу методом холодного испарения, после дезинфекции человекопыль помещалась в кукурузный крахмал, затем в землю, становилась полезным органическим удобрением. Поговаривают, все началось с неандертальцев, намеренно закапывавших трупы в землю вместе с каменными инструментами и костями животных. У самого древнего погребенного человека в руке обнаружили челюсть кабана. Калмыки просто выбрасывали тела покойников в степи, где побезлюднее. Скормить птицам значило следовать последнему обряду благотворительности. Так или иначе, мертвому телу традиционно уделялось куда более пристальное внимание, нежели живому. Утратив признаки жизни, человек становится предметом непреложной сакральности, обретает доселе отсутствовавший смысл. Отныне к нему относятся с уважением, пониманием, несмотря на то что именно в таком состоянии он обращен в опустошенную биомассу, сродни любому другому средоточию молекул. С этого момента человеческое тело способно исклю-

чительно разрушаться, срастаясь с почвой либо будучи переваренным желудочными соками других по-прежнему живых существ. Существование человека лишено всякого смысла, разрушение человека сакрализуется. Бедное, голое, двуногое. Беспомощная материя. Таких было много. В мертвом трудно распознать то, что было до. Мышцы расслаблены, лицо вытянуто, кожа бледнеет, на лице отсутствует выражение. Чучело. Неизбежно возникает ощущение, что нечто живое было устранено. Примерно таким образом возникает мифологема духа и прочего, сопутствующего. В противном случае процесс разложения неизбежно навеивает страх. Таких было много. И все только и говорили, как быть с погребением. Телевизор рассказывал, что есть некоторые способы наиболее удовлетворительного и обусловленного правилами избавления от останков. Рекомендуемые способы прописывались и утверждались в указах, приказах, регламентирующих и разъясняющих документах. Предоставлялись услуги, сочетавшие в себе уважение к останкам умершего, согласно ценностям конкретной территории, с прагматичностью. Статистика росла, требуя еще более скрупулезной прагматичности. За это время правила погребения были выучены наизусть. Так или иначе, утилизацию следовало согласовать. Необходимо направить соответствующий запрос по соответствующей форме в соответствующую инстанцию. После этого за телом придут. Утилизировать самостоятельно не рекомендуется. Рекомендации были разработаны соответ-

ствующим экспертным комитетом, сочетающим в себе представителей различных институций, обладающих различными компетенциями. Такой комплексный подход позволяет наиболее эффективно подойти к решению проблемы. Благодаря комплексному подходу и принимая во внимание социальную важность реализуемых процессов, а также несомненную ценность накопленного человечеством опыта, возможно осуществить поставленные задачи, сберечь цивилизацию в сохранности и оградить ее от разрушения. Нигде, кроме как здесь, необходимых компетенций нет. Телевизор неоднократно объяснял необходимость следования правилам. Телевизор всегда давал необходимую информацию. Телевизор отвечал на вопросы. Телевизор объяснял непонятное. Телевизор помогал нам разобраться.

Понимаешь, жизнь держится на последовательном смирении с утратой, в такой парадигме система обретения и приобретения утрачивает всякий смысл, хотя именно эти непреодолимые процессы лежат в основе человеческого существования, обреченный бесконечно обретать, человек не может спрятаться от собственной потребности обустроить уютное, даже отчасти враждебное пространство, в котором вынужден обитать, всевозможной утешающей атрибутикой, впоследствии под гнетом разрушительных обстоятельств почти все накопленное будет утрачено, процесс этот сугубо и преимущественно хаотичный с точки зрения оче-

редности, но пугающе последовательный с точки зрения, так сказать, всеобщей динамики, проще говоря, заведомо неизвестно, каким образом будет пропадать накопленное, несомненно обладающее некоторой ценностью, но доподлинно известно, что пропадать оно будет стабильно и неизбежно, обрастая людьми и вещами, человеческое существо, разумеется, не представляет своего бытования без приобретенного, но непременно в конечном итоге останется безо всего, дело даже не в смерти, понимаешь, тут скорее страшно осознавать, что ничего из связанного с тобой или принадлежащего тебе, ни мебель, ни одежда, ни место пребывания, ни родственники, ни вот этот твой свитер, ни даже волосы, прическа, не останутся с вами до конца, то есть ты умрешь, я умру, но прежде мы станем ободранными деревьями, с которых поосыпалась не только листва, но и некоторые ветки, и поэтому мы точно так же последовательно смиряемся, в какой-то определенный момент, с исчезновением того, без чего не представляли своего существования, смиряемся и живем дальше, без ничего.

Ему снится комната. В комнате летают одинаковые голуби. Косой воронкой. На полу сидит женщина в синем махровом халате, собирает в ладони пыль. Она засовывает пальцами пыль в рот, задумчиво жует, небольшие клоки пыли вываливаются у нее изо рта, смоченные слюной, на халат, на колени. Когда голуби внезапно, как по хлопку, падают замертво,

она ничуть не удивлена. Женщина сидит неподвижно и любуется невероятным явлением, разглядывает пятна на полу. Она запрокидывает голову, вертит ею из стороны в сторону, опускает взгляд, смотрит на пол, на маленькие сгустки перьев. В комнату входит маленькая девочка, волосы завязаны в одинаковые хвосты, садится за стол, принимается раскрашивать нарисованную на бумаге птицу. Ее нижняя челюсть падает на стол, с глухим шлепком, на картинку стекает слюна. Женщина пристально смотрит на девочку, долго, девочка ее не замечает. Женщина медленно поднимается на ноги, медленно подходит к распахнутому окну. Долго смотрит на порхающий снег.

Тогда Вегнер впервые воочию увидел человеческий скелет. Округлую конусообразную двенадцатиреберную клетку, внутри которой прежде покоилась грудная полость. Анатомически безупречную сквозную емкость. В таком лишенном наполнения виде скрепленные между собой ветви замечательно подходят для мебели, прежде всего для стула или кресла. Опускаясь в имитацию человеческого тела, человеческое тело должно чувствовать небывалый комфорт, поскольку именно таким с точки зрения исконной геометрии оно появилось на свет. То есть не имитация, а эволюционно обусловленный процесс. Совершенно логична адаптация изделия, которая почему-то прежде не приходила в голову. Вегнер провел пальцами по шершаво-костяной поверхности.

Фактура безупречна сама по себе, не требует никаких дополнительных манипуляций. Никогда он не осознавал, что самой подходящей животной формой для мебельного изделия может стать нутро самого человека. Если рассечь грудину и разогнуть округлые зубы, распределить их по сторонам в разной степени размаха, симметрично от позвоночника, полученному креслу по удобству не будет аналогов. К тому же где-то там зашифрована эстетика. И бесспорная прагматичность. Что может быть прагматичнее, чем размещение человека внутри человека. Некое подобие колыбели, утробы, перемещения обратно, туда же, где возник из эмбриона, в позе младенца, больше прочих располагающей к расслаблению мускулатуры.

Частный случай когнитивного искажения, предполагающий преувеличение вероятности частного случая, в том числе массовое, называют иллюзией частотности или феноменом Баадера–Майнхоф. Явление получило такое название в девяносто четвертом, когда в газете города Сент-Пол, штат Миннесота, вышла заметка одного из читателей, где рассказывалось, как его знакомый впервые услышал о леворадикальной группе Баадера–Майнхоф, а затем в тот же день услышал о ней повторно от других людей. За статьей последовала серия аналогичных историй. Описанный случай когнитивного искажения не имеет непосредственного отношения к деятелям организации Андреасу Баадеру и Ульри-

ке Майнхоф, обнаруженным мертвыми в камерах штутгартской тюрьмы в семьдесят седьмом и семьдесят шестом соответственно, то есть более чем за восемнадцать лет до возникновения термина. В основе феномена лежит соединение селективного внимания и склонности к подтверждению своей точки зрения. Селективное внимание выявляет наиболее приоритетную информацию, отбрасывая ту ее часть, что на данный момент лишена приоритетности. Склонность к подтверждению своей точки зрения предполагает предпочтительное отношение к информации, совпадающей с точкой зрения, вне зависимости от истинности либо наличия подробной, даже исчерпывающей, аргументации. В обоих случаях информация интерпретируется предвзято и, следовательно, недостоверно фиксируется в памяти. Отличительная особенность феномена Баадера–Майнхоф в коллективном заблуждении о наличии упоминаний конкретной информации при объективном отсутствии интереса к ней со стороны большинства. То есть информация воспринимается специфически исключительно в случае нахождения внутри иллюзии, а именно под непосредственным воздействием феномена.

Мне кажется, что так все и было. Но никаких доказательств не сохранилось. Много, о чем точно так же не сохранилось никаких доказательств. Мне подобные ситуации напоминают немые фильмы. То есть буквально немые, без та-

пера. Бежит по улице перепуганный Китон. В этом роде. Точно так же и этот. Стоит и что-то понимает. И потом титр. Тогда он задумался и понял. Какой-то такой титр. И зритель тоже все в этот момент удивительным образом, ну или интуитивно, понимает. Как будто это он сам там стоит, задумался и понял.

Мы все там застряли, стоим, задумываемся и понимаем.

Только ничего не получается.

У него тоже не получилось.

Но получилось нечто другое.

Ты не мог бы окно на кухне закрывать. А то двери хлопают. Сквозняк.

А ты не пробовал ему постучать. Что-то давно не было никаких вестей.

Он спит.

Откуда ты знаешь.

Ну а что он, по-твоему, там еще делает.

Не знаю.

Скорее всего, спит.

Скорее всего.

Просто не хочет ни с кем разговаривать. Хочет побыть один. Тем более никакого смысла в его пробуждении все равно нет.

В нашем тоже.

Меня всегда занимала эта штукавина.

У чилийцев это предмет культа. Они такими вызывали

дождь.

А теперь это что-то вроде музыкального инструмента.

А теперь это что-то вроде музыкального инструмента.

Музыкальное вместо сакрального.

Музыка зачастую тоже сакральна.

Ритуал.

Любое действие в той или иной степени ритуал. Представь, ты зашел в комнату. Там какие-то люди, из неизвестной тебе культуры, говорящие на неизвестном тебе языке, они там что-то делают. Ходят из угла в угол, поют, переставляют предметы, значения и применения которых ты не знаешь, никогда не знал. Но они делают то, что делают, вполне осознанно. То есть они понимают все, что делают и говорят, а ты ничего не понимаешь. То есть ты пытаешься подыскать какие-то аналогии, объяснения тому, что видишь. Но, скорее всего, ты будешь ошибаться, потому что на самом деле ничего не знаешь, можешь только предполагать. Для тебя это все ритуал. То есть они могут, например, обсуждать развитие какого-то предприятия, играть в спортивную какую-то игру или просто придуриваться. Но ты непременно происходящее сакрализуешь. Как эти вануату лепят религию из самолета, ты принимаешься лепить религию из спортивной игры, которую в силу неведения понял неправильно. Ритуал. Для них это нечто иное, кстати, вполне вероятно, религиозное. А для тебя то, что ты сам про это решишь. Потому что любая последовательность действий ритуал.

Обобщение.

Но красивое.

Но за уши.

Придираешься.

Сколько мы тут.

Не знаю. Сколько-то. Давно. Тебе звонили.

Сегодня нет.

Ему звонили целых три раза.

Мне звонили целых три раза.

На третий раз ему стало страшно.

На третий раз мне стало страшно. Сидел и смотрел. А они звонили. Не знаю, что мне с этим делать. Опять вспомнил про механизм с красной краской. Разбрызгивает, потом убивает. Потом снова разбрызгивает.

Хочешь чай. Зеленый.

Нет. Мне иногда кажется, что, если заварить обычной осочки, получится то же самое.

Хотя бы постучи.

Не буду. Дай человеку побыть одному.

Я не возражаю. Просто не по себе.

Мне тоже.

Когда приедет.

В пятницу.

Должен был в четверг.

В пятницу.

Ну в пятницу так в пятницу.

Но должен был в четверг.

Ты не мог бы этого не делать.

Никому не мешает.

Мне мешает. Я пытаюсь сосредоточиться.

Когда приедет.

Не знаю.

Не думаю, что у этого сюжета есть какая-то развязка. Мне кажется, тут даже толком не нафантазируешь ничего. Все будет вот так. Либо хуже. Либо вот так.

Ты не мог бы этого не делать. Я не могу сосредоточиться.

Зачем тебе это.

Запишу. Потом может пригодиться.

Кому.

Кому-то, что будет потом. После. Кто-то будет после. Найдет, изучит, статью напишет. Исследование. Тогда получится, что было не зря. Ты бы тоже попробовал. Важно сформулировать.

Я так-то мысли сформулировать не могу. А ты предлагаешь записывать. Давай я буду как Сократ. Диктовать, а ты записывай.

Зачем.

Поделюсь мудростью. Ты же не знаешь, что у меня в голове накоплено.

Нет уж. Пусть вон он записывает. Сходи на кухню, попроси.

Поможешь мне. Возникла мысль записывать. Я буду,

как Сократ, диктовать, а ты будешь записывать.

А почему я.

Мне сказали пойти на кухню и обратиться к тебе.

Интересно.

Может, у тебя почерк разборчивый.

Ладно. Давай ручку.

Тебе не кажется, что мы что-то упускаем.

Не кажется. Давай начинай, Сократ.

На экране мужчина лет пятидесяти. Густая борода. Одежда похожа на специальную униформу. На ногах сапоги. В правой руке палка. Стоит, смотрит вверх кадра, взгляд направлен по-над объективом. Взгляд сосредоточенный. Титр, принимая во внимание сложившиеся обстоятельства, мы вынуждены принять решение. Мужчина стоит неподвижно. За его спиной проезжают длинные прямоугольные автобусы. Титр, отныне мы будем действовать решительно. Мужчина стоит неподвижно, камера немного отдалается, пока остановившийся за его спиной автобус полностью не попадает в кадр. На боку пять пар дверей. Синхронно открываются. Из автобуса выходят раздетые люди, лица неразличимы. Мужчина стоит неподвижно, выражение его лица не меняется. Люди строятся неровной шеренгой. Титр, не могу сказать, что решение далось мне легко. Камера еще немного отдалается, мужчина стоит в левой части кадра, шеренга видна сбоку от него и заходит ему за спину, лица стоящих

неразличимы, топчутся на месте, прикрывают оголенные части тела. Титр, мы обязаны действовать решительно в интересах человечества. Титр, в противном случае привычный порядок вещей окажется под угрозой. Мужчина уходит влево, из кадра, на экране шеренга, кто-то из стоящих плачет, справа появляется женщина с тряпкой, моет пол, мимо проезжает несколько длинных автобусов, слева направо пробегает собака. Титр, идут дни. Стоящим в шеренге явно холодно, топчутся на месте, кто-то дрожит от холода. Титр, во имя великой цели мы должны терпеть неудобства. Ночь, шеренга стоит, по позам видно, что силы иссякают. Титр, только так мы достигнем цели. День, шеренга еле стоит, двое из стоявших в ней лежат на земле. Титр, мы не нуждаемся больше в вашей помощи. Камера отдалается, множество аналогичных шеренг. Титр, у нас достаточно ресурсов. Камера отдалается, слева гора тел, сюда свозят тех, кто лежал на земле. Титр, у нас достаточно ресурсов. Камера отдалается, на экране опять появляется мужчина, взгляд сосредоточенный. Титр, во имя высокой цели.

Давайте я начну. У меня никого не осталось. Раньше были люди, родственники, знакомые. Распорядок дня заучен наизусть. Мне точно было известно, когда и где я буду, в какой день, чем закончится неделя, месяц. Знал наперед, что будет через полгода, рассчитывал, что и как будет. Заученный сценарий. Не возникало никаких сомнений. Так происходи-

ло почти все время. Изредка что-то смещалось, но не могу сказать, что это влияло. Просто возникали обстоятельства, трудности, в общем, как у всех. Ничего никогда не менялось. Как сейчас, сейчас тоже ничего особенно не меняется, только накануне поменялось абсолютно все, это накладывает оттенки, смещает ракурс, оптику, то есть фокус, зрение. Пока совсем никого не остается. То есть люди никуда не пропадают, остаются, просто теперь это другие люди, посторонние, не имеющие прежнего значения, содержания. Но есть люди, я вхожу в их число, в число людей, не имеющих для меня значения, и они сливаются в плоскую декорацию, картонные силуэты, говорящие, чаще бубнящие. Реплики, путающиеся между собой, голоса, всплывающие посреди ничего, они много, чересчур много говорят одно и то же, повторяют, монотонно произносят монологи, замурованные в замкнутых пространствах, иные из которых кажутся вычурными, тут дело и в отсутствии вкуса. Большинство не уделяет толком внимания своей речи, строю мыслей, а даже в состоянии предельного невропатического сдвига надо уделять внимание, даже внутри истерики, когда трудно сориентироваться, где, что, куда, сидишь, трясешься, бегаешь зрачками по предметам, которыми напичкана комната, бубнишь себе под нос возможные варианты развития событий, то ли так будет дальше, то ли так. В таком состоянии не делают ничего. Апофеоз бездействия, вот как прямо сейчас, пока вы молчите и на меня смотрите испытующе, нет, просто вни-

мательно, то есть с вниманием, не знаю, откуда такой интерес к моей болтовне, я говорю, вы слушаете, мне кажется, я заблуждаюсь. Я не знаю. Вот это двукрылое, мерзкое, щекотное, ползает, питается результатами жизнедеятельности. Для меня это состояние с некоторых пор совершенно естественно, непредумышленно, неотвратно, само собой такое всплывает изнутри, сиди, разбирайся, на ощупь, как придется, как получится, не получится. А тогда по-другому было, было так же, но по-другому, то есть так вот тоже, даже парализованней, но по-другому. Звонит телефон, подходишь, слушаешь оттуда вопросы, молчишь, не понимаешь, зачем тебе отвечать, если это ничего не поменяет, не то чтобы фундаментально, а никак вообще не поменяет, молчишь, оттуда тобой возмущаются. Раньше вокруг были знакомые уютные люди, с ними можно было говорить, невзирая на зачем. Здесь, впрочем, вполне уютно, терпимо. Есть все необходимое. Большого и не нужно, в общем-то. У человека есть базовые потребности, как бы мы ни оправдывались, эти потребности во многом нас определяют, в принципе определяют. Я смотрю на насекомых, двукрылые, синантропы, представляют опасность для здоровья, кажется, что безобидны, навозная дрянь, на брюхе растягиваются мембраны, дышат, личинки у них червеобразные, афаги, гематофаги, копрофаги, полифаги, короткоусые, лапки трут о лапки, вот эта. В Аргосе, Эгисф с Клитемнестрой, убийцы, эринии, уводит мух прочь Гамельнский крысолов, дудит, будто в сви-

рель. Три этюда для распятия, три этюда к фигурам у подножия распятия, Ван дер Вейден, вот эта тряпка, эти обтекаемые формы, искажение, вопль, и потом эти, двукрылые, дома египтян наполнятся мухами, и вся земля будет покрыта ими, в тот день вечный свистнет мухам, что у истоков рек Египта, и пчелам, что в ассирийской земле. А Гамельнский отведет из Аргоса, но будут они чрезвычайно навязчивы, как умеют. Я вот тоже в мухах. Навязчивые. Я смотрю на улицу. Там никого нет, не было, не вижу ничего особенного. Листаю. Это место я перечитывал несколько раз, но ничего не оседает. Да, это уже общее место, у всех так, у всех было раньше, а стало сейчас, ну что с этим поделать, ничего, ничего не бывает, мокрыми пальцами я водил по столу и смотрел куда-то сквозь, чтобы не объяснять. Потому что объяснения, оправдания дают лишнее, обнадеживают. Не так. То есть не с этого хотел начать. Самое страшное тогда было оказаться в одиночестве и без всего, потом оказался без всего, здесь, вчетвером, мы разговариваем, помногу, мне трудно обобщить, я не совсем понимаю, зачем я вам это рассказываю, я могу рассказывать что угодно, но рассказываю это, это не вызывает во мне никакого отклика, это не наделено никаким смыслом, я крайне благодарен, что вы почему-то продолжаете меня слушать. Когда все это началось, мы были вынуждены быстро принимать решение, я не умею так быстро, в какой-то момент через пару дней после начала мы просто ушли, кто куда, врассыпную, как тараканы, тараканьи

бега, мухоедство. Кто куда, я шел по улице, люди шли мимо, останавливались у объявлений, объявления были повсюду, противоречили друг другу, бумага заменяла реальность, только написанное, должным образом согласованное, проведенное через всевозможные процедуры могло претендовать на бумагу. Происходящее диктуется бумагами. Для оспаривания бумаги предусмотрен ритуал сродни религиозному. Они говорили, что с такого-то дня утверждены такие-то правила, они отменяли правила на следующий день и принимали новые, они говорили, что не принимали никаких правил, что отныне будут действовать другие, они говорили, что все принятые правила отныне не действуют, они принимали новые правила, извещали о них в объявлениях, они вводили новые правила, они вносили правки в существующие правила, существующие правила не действовали, в неследовании правилам обвинялись должностные лица, козлы отпущения, одни правила противоречили другим правилам, они говорили, что никакой путаницы нет, что все, что происходит, было заведомо просчитано и обсуждено на самом высоком уровне, потом правила давали трещину, правила противоречили сами себе, важно было разобраться, мы не успевали толком разобраться, я смотрел на улицу. Мне все чаще становилось страшно, не по себе, я не мог избавиться от ощущения не по себе. Я не мог избавиться. Правила приходили ежедневно, ежечасно, за нарушение правил предусматривались наказания, наказания вводились каждый день новые. В них нельзя

было разобранься, очевидно, что наказания предусматривались за нарушение правил, правила нарастали друг на друга. Я выходил из дома, я возвращался домой, люди делали примерно то же самое.

Ивенс сосредоточенно щурится, смотрит сквозь камеру на шевелящийся город. Вот-вот начнется дождь. Судя по всему, ливень. Как из ведра. В таком случае город изменит облик. Как поведут себя люди.

Попробую объяснить иначе. Театральный режиссер работает с актерами как с материалом. Он подбирает определенные типажи, потом расставляет их по сцене, объясняет им, как следует произносить реплики, монологи. Он одевает их и раздевает, как кукол. В его задачи не входит коммуникация как таковая, потому что скульптор едва ли станет объяснять куску камня, чего ему от него требуется. Режиссер строит из людей театр. Допустим, никаких правил нет, и ему становится все дозволено. Буквально нет никаких ограничений, он имеет право делать что угодно в интересах пьесы. Достоверности, воплощения замысла, согласованного с начальством результата. Делай что угодно, лишь бы был ожидаемый результат. Лишь бы публика пришла, купила билеты, потом критики радовались, ну и так далее. Тогда он мог бы теоретически пренебречь всяким гуманизмом. Буквально. Вот надо ему, скажем, чтобы у актера во время сцены

не было руки. И он берет топор, подходит и руку ему отрубает. Буквально. Берет и отрубает ради воплощения замысла. Или надо ему, чтобы на сцене совершилось убийство. Так он дает актеру заряженный пистолет и показывает, мол, вот сюда ей выстрелишь. И так далее. Так вот, в такой ситуации что делают актеры. Они следуют установленным правилам. Ну, то есть им, конечно, за это что-то платят. Может быть, даже платят вполне сносно. Но они следуют установленным правилам. Потому что в противном случае они не смогут делать то, ради чего живут.

И к чему ты это.

К тому, что это закономерно. И не могло случиться по-другому. Потому мы тут вчетвером и сидим. Потому что есть определенные правила. Закрепленные, согласованные со всеми и ни с кем. И потом принимается решение. Претензий, в общем-то, нет. Какие могут быть при таких обстоятельствах претензии. Мы ведь тоже действуем в рамках установленных правил. То есть мы безропотно прячемся от правил и тем самым им следуем. Мне в детстве мама так говорила

Все из детства.

Ну да. Мама говорила

Родители всегда говорят что-то невероятно мудрое.

Разве нет. На этом и строится семья. Мама говорила

Как будто они знают больше, чем мы сейчас.

В чем-то они да, знают больше. Мама

Мне кажется, он не дышит.

С чего ты взял.

Зашел. Посмотрел. Не дышит.

Чай допьем и пойдем.

Может, сейчас.

Потом. Что тут поделаешь уже.

У тебя ко всем такое отношение.

Ко всем.

И к себе.

И к себе.

Я стояла там, как будто парализованная. Ничего не могла делать. Говорить тоже. Стояла посреди улицы. Мимо кто-то проходил. Играла какая-то музыка. Я стояла и не могла пошевелиться. А что было дальше. А дальше не было ничего. Мы привыкли, я привыкла. Как можно к этому привыкнуть. Никак нельзя, но привыкли. Сама от себя не ожидала, что буду смотреть на них и ничего не чувствовать. А что дальше. Потом стали уходить люди. Еще вчера были соседи, сегодня нет соседей. Вчера мальчик выгуливал собаку возле дома, сегодня собака бегаёт в одиночестве, сама волочит за собой поводок. Вот просто стали уходить. Да, просто исчезать. Я никогда такого не видела. Чтобы утром в самое многолюдное время нигде не было ни души. То есть были какие-то, но ощутимо меньше, чем прежде. А вы, что вы ощущали тогда. По-прежнему ничего. Слонялась по улицам, за-

ходила в полупустые магазины, покупала продукты. Ничего. А что я могла сделать. Да, вы правы, ни вы, ни я, никто ничего не мог поделаться. Вот я и смирилась. Перестала себе задавать вопросы. Мне надоело повторять одно и то же.

Вегнер садится на стул и ощущает, как вилочковая кость вырастает ему в позвоночник, через поясницу, он ерзает, но еще не знает, что отныне является неотъемлемой частью стула, что стул является неотъемлемой частью его тела.

В детстве мы ходили на холм возле железной дороги смотреть на поезда. Не то чтобы кто-то из нас отличал одни поезда от других. Просто сидели и разглядывали, всматривались в окна. Где-то недалеко была площадка и крошечный магазин на первом этаже жилого дома. Мы покупали там шоколадные конфеты, еще какие-то сладости. Сидели, смотрели на поезда, жевали. К вечеру становилось прохладнее, свет желтел, вдалеке шумели машины, собаки, изредка люди или что-то еще. Но в остальном там было поразительно тихо, так тихо, как потом никогда не было. Мне кажется, так спокойно я тоже себя не чувствовал. Это было ощущение абсолютной безопасности, отсутствие вмешательства. Когда кто-то приходит и, как само собой разумеющееся, сообщает тебе, что тебе положено делать, а что нет. Это потом нечто внешнее начинает распоряжаться твоим порядком вещей, диктовать желания, принципы, ценности, высокомерно рассказы-

вать тебе, как на самом деле обстоят дела в твоей собственной жизни. Или получаешь документ, приказывающий тебе делать не то, что тебе нужно, а то, что нужно существующей над тобой системе. Положим, идет человек, несет что-нибудь или стремится добраться до определенного почему-то важного пункта или сделать нечто необходимое, а по дороге его останавливают, задают вопросы, изучают сопроводительные бумаги, потому что у всякого должны быть сопроводительные бумаги, снова задают вопросы, но уже настойчивей и, разумеется, бессмысленней, потом задают вопросы, ответы на которые никого постороннего явно не касаются, но человек вынужден отвечать, не потому, что считает нужным, но потому, что вынужден считать эти вопросы нужными кому-то, кому угодно, кроме него самого, а система становится еще настойчивей и предлагает, нет, уведомляет о необходимости сопроводить, пройти куда-то, совсем не туда, куда допрашиваемый стремился, чтобы там уточнить некоторые детали, о которых допрашиваемый попросту не знал до нынешней встречи, и совершенно очевидно, что он может не идти, отказаться, заявить о своих правах идти дальше туда, куда шел, но на каком-то интуитивно-рефлекторном уровне, то есть на уровне животных подозрений, подкожного импульса, он вполне ясно сознает, что никакой альтернативы этой действительности нет, что есть заведенный и, разумеется, утвержденный всеми инстанциями порядок разрешенных реакций, согласно которому он как будто име-

ет юридическое право, являющееся частью системы, то есть что дышло, но никакого права, кроме вымышленного, по сути, не имеет, поэтому, мгновенно испытав всеобъемлющее состояние беспомощности, почти коллективной, да, коллективной беспомощности, вдолбленной с малых лет вместе с призрачным чувством причастности к навязанной общности, обретенной от рождения вне зависимости от предпочтений, целиком парализованный, он слушается, меняет траекторию пути, идет следом, потому что иной модели поведения ему никогда не позволяли, потому что здесь положено вести себя так, потому что здесь безопасность вторична, и на этом построено многое, практически все. Из подобных ситуаций складывается закономерность, поведенческий алгоритм, внутри которого нет и никогда не было места тишине, спокойствию, разглядыванию поездов, поскольку так решено, система предлагает тебе некоторое количество лет, в течение которых тебя не тронут, но за это тебя в обязательном порядке тронут потом, по прошествии, именно так, за то, что тебе позволили тогда смотреть на поезда, потому тебя остановят по пути в какой-нибудь пункт, куда ты за каким-то делом стремишься, станут расспрашивать задавать вопросы изучать сопроводительные бумаги потому что у тебя должны быть сопроводительные бумаги снова задавать вопросы но уже настойчивей и бессмысленней потом задавать вопросы ответы на которые никого постороннего явно не касаются и ты вынужден будешь отвечать не потому что но потому что

вынужден считать нужными а система станет еще настойчивей и предложит уведомит о необходимости уточнить детали и очевидно что ты можешь отказаться кричать орать вопить выть но на уровне животных прозрений подкожного импульса ты сознаешь изнутри понимаешь есть заведенный порядок поэтому испытай всеобъемлющее состояние коллективной беспомощности зашифрованной в тебе этими которые уведомляют призрачным чувством причастности к общности вне зависимости. Поэтому однажды, потом, по прошествии, через какое-то время ты оказываешься здесь или в каком-то месте вроде этого с другими такими же, чтобы подалеже, чтобы спрятаться, чтобы никто не отыскал, чтобы

Попробуй приподнять.

Зачем.

Подпихнем простыню.

Вот.

Да.

Положи на бок.

Ты можешь как-то деликатнее.

Поздно деликатничать.

Еще.

Да.

Вот так.

Да. Держи так. Аккуратнее.

Я держу.

Ты ворочаешь. Не надо. Мы так долго будем.

Я стараюсь.

Мы даже толком не договорились, как будем действовать.

Почему. У нас не очень-то много вариантов.

Мы договорились, что пока уберем.

Куда.

Куда-то, где не будет мешать.

Тебе все-таки не кажется, что это глупая идея.

Нет. Не кажется. Других идей у меня нет. Подержи.

Держу.

Аккуратней. Не ворочай туда-сюда.

Я держу.

Аккуратней.

Я аккуратно.

На три. Раз, два, три.

Тяжелый.

Человек, когда умирает, становится тяжелее. Почему-то.

Мускулатура расслабляется. Организм перестает функци

Подпихни. Так.

Функционировать, сердце останавливается, мускулатура, связки, все расслабляется, смещается центр тяжести. Потом

Еще раз.

Кровь застывает. Кислород не поступает. Начинается распад. Ферменты. Дополнительная жидкость. Трупное окоченение. Посмотри на выражение лица. Все, что сдерживало, размякло. И все человеческое тело точно так же размякает.

Это иллюзия, в общем-то.

Что начинается распад.

Что мертвый тяжелее живого.

Не чувствуешь.

Я его не взвешивал.

Завязывай тут.

На самом деле это обыкновенное перераспределение веществ. Как подушка. Спишь на подушке, она принимает определенную форму. Потом ты ее расправляешь, по-другому распределяешь внутренность. Так же и в теле

Завязывай.

Все просто перераспределяется. Раскладывается по другим полочкам.

Циник.

Почему. Физиология. Можно сколько угодно болтать о дихотомии, дуализме

Душе.

Душе. И прочих религиозных украшениях. Но по факту физиология. Никуда не денешься. Бедное, голое, двуногое.

Ну, ты бы все это хотя бы не тут бы.

Да ладно. Что теперь. Затяни крепче.

Как так получилось.

Ну как получилось. Каждый делает так, как ему требуется. Ему потребовалось так.

Каждый сам решает, что ему нужно.

Хочешь сказать, это такой сознательный шаг. Лечь и ле-

жать, пока не закончишься. Решил, сделал. Лежишь такой, думаешь, а чего мне вставать-то, какой в этом был бы глубинный или хотя бы поверхностный смысл. Нету никакого, думаешь, а раз нету никакого смысла, тогда и вставать не нужно. Ничего же не изменится оттого, что ты прекратишь валяться, поднимешься, что-то начнешь скрупулезно делать.

Примерно так делают все. По правде говоря. Все ложатся и лежат.

Ну, нет. Кто-то что-то по-прежнему делает.

Никто ничего не делает. Все лежат и ждут, кто-то вертикально, кто-то горизонтально. Но никто ничего существенного не делает.

Кто-то делает.

Брыкается. Выглядит это довольно смехотворно.

Христиане зовут это гордыней. Мол, возомнил.

Кстати, да. Он прав. Не случайно религия это не любит.

Вот именно. Лежи, слушайся, прислушивайся.

Ему кажется, что это было неизбежно.

Получается, что вот это было неизбежно.

А что это.

Кажется, фонарик.

Как включается.

Поверни. Ручку. Дай покажу.

А.

Тут вообще много всякого интересного.

Он любил собирать причудливые вещи.

Никогда мне не рассказывал.

И мне.

А мне рассказывал. Даже показывал. Вещи ведь суть человека, не сам же он. Вот эту шкатулку он купил в каком-то северном городке, у старика на развале. Замок открывается комбинацией символов. Комбинацию он записал ему на бумажном пакете. Вот. Это курительная трубка. Ему ее сделал какой-то знакомый охотник. А это

Это из войлока.

Да. Собачка из войлока. Симпатичный сувенир.

Причудливый набор.

По-моему, вполне обычный. Туристический. Не понятно только, зачем это все с собой притащил сюда.

Чтобы не утрачивать окончательно связь с привычной жизнью. Свидетельства нормальности. Усыпляют рассудок, успокаивают. Создают уютную атмосферу. Как в детстве.

Сентиментально.

Циник. Ты сам просто взял и уехал.

Да. Взял и уехал. У меня не было выбора. Вот Кляйн, что-то вроде художника, наоборот, избавлялся от предметов.

Ну и что. Я вообще не знаю, кто это

От любых. Его интересовала пустота.

Ни у кого не было никакого выбора.

Ему становится не по себе.

Мне что-то не по себе.

Почему.

Потому что он как будто заглянул в собственное будущее, и оно нравится ему меньше настоящего.

Потому что я как будто заглянул в собственное будущее, и оно нравится мне меньше настоящего.

Ты чего-то иного ожидал.

Я ничего вообще не ожидал. Я смирился.

В этом твоя основная проблема. Я ожидал спокойствия и безопасности.

И все мы пребываем в спокойствии и безопасности.

А у меня почему-то нет полного ощущения спокойствия и безопасности.

Потому что ты слишком многого хочешь.

Чего. Ничего я особенно не хочу. Как можно чего-то тут хотеть. Мы втроем сидим в замкнутом пространстве, чего-то ждем

Ничего я не жду.

Или не ждем. Сидим. Разговариваем. Спорим о какой-то ерунде. Этот все время говорит про мебельщика. Ничего не происходит. Мы чего-то ждем, но ждать как будто нечего. Мы все в этом вопросе согласны между собой. Ждать нечего, но мы сидим. В спокойствии и безопасности. И терпим. И выйти никуда нельзя. Даже выглядывать из окошка нельзя. Это вот такая безопасность. Ничего нельзя. Трудно это назвать нормой.

Ему снятся странные кошмары.

Мне снятся странные кошмары.

Кошмары всегда странные.

Там за окном идет снег. В комнате жуткое семейство. Мальчики, девочки, мамы, папы. Птицы. А за окном все время снег.

А ты что делаешь.

А меня там нет. Я наблюдатель. Съёмочная камера, оператор. Камера слежения. Не знаю. Меня там нет. Но я помню все детали.

Кошмары все странные.

То есть тебе тоже что-то снится.

Ничего мне не снится уже давно.

А я, наоборот, отделаться не могу от этого семейства.

Снег, птицы, семья. Звучит очень обычно. В словаре слово сон должно иметь примерно такое объяснение. Сон, это когда вы спите и видите снег, птиц, семью. Атмосфера, знакомая каждому. Проекция.

Я все время просыпаюсь.

Ну уж лучше просыпаться, чем вот так вот. Уснул, помер.

Ты ж не знаешь, что ему снилось.

Я думаю, то, что ему снилось, ни в какое сравнение не шло с реальностью, ради которой он даже не захотел встать с кровати.

Мне кажется, ему вообще ничего не снилось.

То есть он просто лежал эти недели, ничего не видел, ни о чем не думал.

Думаю, так и было. Думаю, это закономерно. Учитывая наши обстоятельства.

Пустота.

Что-то в этом роде.

Нас поставили в такие условия.

Всех поставили в такие условия. Выбора ни у кого не было.

Был. Либо послушаться, либо вот так.

Вот так оказалось не лучше.

Ты, по крайней мере, живой.

Он тоже был живой. В тех же обстоятельствах. А теперь видишь.

Ладно, давай. Понесли.

Давай. Тяжелый.

Тяжелый.

Аккуратнее. Подержи дверь.

Держу.

Аккуратней. Не урони.

Да держу я. Идем.

Опять.

Запрокинь голову.

У меня так все время, с детства. В самый неподходящий момент.

Тебе звонили.

Нет.

Ему звонили один раз.

Мне звонили один раз.

На экране двое мужчин, одетых в одинаковые серые одежды. Лица размыты. Они сидят на взгорке, на земле, согнув ноги в коленях. Один смотрит куда-то вбок, за пределы кадра, второй исподлобья смотрит в объектив. Голос за кадром, скажи что-нибудь. Мужчина, смотрящий в кадр, открывает рот, что-то еле слышно говорит, его слов не разобрать. Голос за кадром, как ты здесь оказался. Мужчина, смотрящий в кадр, отвечает, его слова не разобрать. Голос за кадром, что думаешь, будет с тобой дальше. Мужчина, смотрящий в кадр, отвечает, его слова не разобрать. Тишина, около полутора минут. Оба сидят молча, не переводя взгляд. Голос за кадром, а ты, ты тут как оказался. Мужчина, смотревший куда-то вбок, лениво поворачивает голову, некоторое время смотрит в кадр, как будто не понимая, что вопрос обращен к нему. Голос за кадром, ну чего ты молчишь, как ты тут оказался. Мужчина, смотревший куда-то вбок, открывает рот, что-то еле слышно говорит, его слова не разобрать. Голос за кадром, то есть оба вы тут случайно. Оба мужчины синхронно кивают. Голос за кадром, как же это так получается, что я тут сознательно, так сказать, добровольно, сам пришел, потому что ощущаю некоторую, так сказать, душевную необходимость, потому что я сознательный человек, благодарный за все, что мне дали безвозмездно, а вы, значит, оказались тут случайно, под гнетом, так сказать, обсто-

ательств, не по своей воле, вас, видите ли, из уютных кроваток достали силой, волоком притащили, так сказать, а вы, такие невинные, умные, с вами нельзя было так, верно говорю, нельзя было с вами так, со мной можно, а с вами, так сказать, нельзя, одним, потому что суждено, а другим, так сказать, негоже, так говорю, верно, ну чего ты смотришь на меня. Мужчина, смотрящий в кадр, открывает рот, что-то объясняет, изредка жестикулирует, иногда слегка кивает головой, не отводит взгляда, его слова не разобрать. Мужчина, смотревший куда-то вбок, смотрит в кадр, неподвижно. Голос за кадром, хорошо получается, ничего не скажешь, а то, что по-другому нельзя было, ты не понимаешь, а что иначе другие бы пришли и сделали, чего им заблагорассудится, ты не понимаешь, а что так нельзя поступать, потому что мораль, так сказать, не позволяет так поступать, а то, что ты спасибо сказать должен, что сидишь тут и со мной разговариваешь, не понимаешь это, или ты, так сказать, выше этого, выше меня, таких, как я, тебе подобных, так. Оба молчат около полутора минут. Мужчина, смотрящий в кадр, произносит что-то короткое и опускает голову. Голос за кадром, ну вот это правильно, с самого начала надо было так, слушаться, и ты тоже должен слушаться, мы все в одной тарелке, разных путей тут нет, мы все в одной ситуации оказались, и правильно это, что оказались, нельзя было иначе, вы оба поймите, в ваших интересах, в общих интересах, нет у меня, так сказать, других интересов, кроме общих, мы просто

должны сделать, что от нас ожидается, понимаете, мы просто должны идти до конца. Мужчина, смотревший куда-то вбок, что-то произносит. Голос за кадром, нет, ты тоже, и ты, и я, все в этом дерьме по горло, тут нет разных, тут все, так сказать, в одной куче дерьма, ты нос не вороти, ты тоже такой же, как все, все такие же, как все, просто кто-то это сразу понимает, а кто-то, как вы, так что сидите оба, ждите, пока не разрешу, поняли, пока я не разрешу, пока я не скажу, что вам дальше делать, не смотри на меня так, я решу, когда и что надо будет делать, поняли, я, так сказать, вижу наперед, а вы только и думаете, как избежать, нет уж, будет по-моему, по-нашему, мы тут поколениями знаем, что делать, а вы только и думаете, чтоб избежать, не получится так, теперь вы тут, у меня, под колпаком, так сказать, под мышкой у меня, буду делать что потребуется, поняли, что мне потребуется, поняли, чего ты на меня смотришь, сиди, пока не разрешу встать. Двое мужчин долго смотрят в объектив. Слышно, как дует ветер.

Бастер К. бежит по улице, скрываясь от прохожих, он чудовищно напуган, он прячется от всех, не издавая ни единого звука при беге, тяжело дышит, останавливается на минуту, затем оглядывается, бежит снова, прячется за любой постройкой, бежит, вбегает в подъезд, по лестнице, еще пролет, к квартире, ключи, поворачивает, распахивает дверь, вбегает, закрывает за собой, на все замки, чтобы никто, чтобы

не пробраться, запрыгивает в кресло, тяжело дышит, тяжело дышит, тяжело дышит и постепенно начинает дышать спокойнее, ему легче дышать, он в безопасности, дальше он будет изучать свое жилище, дальше он окажется наедине с собой и своим глазом, но сейчас он в безопасности, сейчас становится приемлемей и несколько тише.

Торжественная музыка. При возникновении непредвиденных обстоятельств либо обстоятельств непреодолимой силы, просим вас оставаться дома. В случае обращения к вам со стороны ведомств просим неукоснительно следовать рекомендациям, отвечать на вопросы четко и развернуто, при необходимости предъявить требуемые документы, подтверждающие обстоятельства. Просим отнестись к требованиям с должным пониманием, не вступать в спор с уполномоченными представителями, послушно следовать рекомендациям. Меры, предпринимаемые нами, продиктованы сложившейся ситуацией, требующей единения и взаимовыручки. Меры, предпринимаемые в условиях возникшей ситуации, предприняты в соответствии с правилами, утвержденными руководством. Мы не рекомендуем оспаривать решения руководства. Мы не рекомендуем сопротивляться. Мы не рекомендуем ставить свои интересы выше общих. У нас общие интересы. Мы действуем в наших общих интересах. Мы действуем в ваших интересах. Торжественная музыка становится громче, затихает.

Ему снятся похороны. В комнате стоит стол, на нем продолговатый ящик небольшого размера. Вряд ли туда может поместиться целое человеческое тело. По бокам от ящика сидят незнакомые люди, шумно переговариваются. Девочка сидит в углу на корточках, обхватив руками голову, заткнув уши, сосредоточенно смотрит в пол. Идет снег. Шум стихает. Девочка недоверчиво поднимает голову, вокруг никого нет, только снег. Она видит озеро в центре комнаты, воду, затянутую тонкой ледяной коркой, белые пятна снега. Ее волосы подрагивают от легких порывов ветра. Она поднимается на ноги, босыми ступнями ступает по паркету, аккуратно подходит к краю воды. Аккуратно ступает по льду, идет по поверхности озера. Доходит до центра. Запрокидывает голову. Около секунды тишины. Внезапно проваливается. Слышно, как где-то вверху пролетает большой, набитый человеческими телами самолет.

К пятнице Вегнер ощущает странное образование у себя в груди, у основания шеи, где ключица. Вероятно, у него растет дугообразная косточка, где был тимус, мягкий розовато-серый, подверженный последовательной атрофии, с плеврой по бокам. Он взмахивает руками, ключица слегка пружинит, отдает по грудной клетке, будто бы легким хлопком внутри. Теперь Вегнер смотрит на небо немного по-другому, с едва уловимым интересом. Заметно меньший инте-

рес у него вызывают окружающие предметы.

Не понимаю, что дальше. Наверно, у меня впервые. Обычно понимал. По крайней мере, мог предположить. Сейчас не понимаю. Не могу предположить.

Зачем тебе строить планы. Зачем тебе понимать, что будет дальше. Ты в безопасности. Относительной безопасности. Плохо было там, здесь терпимо.

Не очень-то терпимо. Я с трудом справляюсь. Ты ж понимаешь, что с нами всеми будет примерно то же.

Необязательно. Просто нельзя давать себе возможности впасть в подобное состояние. Вот ты почему молчишь.

Вы разговариваете. Мне нечего добавить. Я, в общем, согласен. С нами случится то же, что с ним. Вопрос времени.

Вот вы оба себя мучаете. Сами себе делаете хуже. Никакой не вопрос времени. Иначе зачем мы вообще. Чтобы мучиться от безысходности. Думали, будете отдыхать, развлекаться.

Нет. Понятно было, что тут будет. Непонятно было, как долго все это продлится. Тут, в общем, не плохо

Ты открой шкаф и посмотри. Там в шкафу все наглядно.

Я же не говорю, что нет препятствий, трудностей.

Это не трудности, это труп в одеяле. Был человек, а стал труп в одеяле.

Он живой тоже был в одеяле.

Смеется.

Смешно. Когда я стану трупом в одеяле, тоже будете смеяться.

Ну а как надо реагировать.

Его подташнивает.

Меня немного подташнивает.

Нервы. Неудивительно. Это от нервов. И оттого, что ты ничего не ешь.

Не могу.

Надо через не могу.

Я боюсь спать.

Вот это ты зря.

Как будто я сознательно запрещаю себе спать.

Мне не надо.

Чай пойдет на пользу.

Не надо.

Мне кажется, у чая нет никакого вкуса.

Китайцы говорят, что чайный напиток изобрел Шэнь-нун, китайский божественный земледelec, покровитель медицины, царь снадобий. Еще говорят, он придумал сельскохозяйственные орудия. Он ходил по Китаю с котлом, собирал травы, и однажды, как обычно случайно, как яблоко на Ньютона, ему туда упали листья. Выпил, взбодрился.

Молчат.

Отвратительный звук.

У меня дед всегда так пил.

Китайцы так едят лапшу. Так они благодарят повара.

У меня дед всегда пил очень горячий чай, без сахара. Но никогда не пил его сразу. Отпивал по глоточку. Еще он очень громко сморкался.

И храпел.

И храпел. Как все старики. Сердечная недостаточность.

То есть предлагаешь не обращать внимания.

Да. Я предлагаю не обращать внимания.

Ему тяжело дышать.

Мне тяжело дышать.

Давай. Успокойся. Дыши вместе со мной.

Я пойду. Не могу больше с вами.

Содержит системные яды, канцерогенные и мутагенные вещества.

Мало ли что еще.

Кляйн называет это вакуумом. Зал небольшой парижской галерейки, свежеекрашенный в белый, серый ковролин на полу, синее окно, проход с синими занавесками, тот самый синий. Пустая стеклянная витрина, выкрашенная в белый. Позднее ему потребуются неоновые трубки, но сейчас достаточно и этого. Чтобы говорить о том, чего нет. Накануне открытия Кляйн сидит посередине зала, поджав под себя ноги и запрокинув голову, смотрит на пустой белый потолок. Ему нравится ощущать отсутствие предметов, свободу от вещей, неизбежных за пределами помещения, но утраченных здесь. Ему понятнее находиться здесь, нежели в меб-

лированной комнате, откуда он бы хотел однажды выпрыгнуть в пустоту, раскинув по сторонам руки. Сейчас он ощущает отсутствие. Он сидит так около получаса, затем нехотя поднимается на ноги, в глазах ненадолго темнеет, подходит к стеклянной витрине, аккуратно открывает дверцу. Она кажется ему плохо закрепленной на петлях, хрупкой. Здесь может поместиться взрослый человек. Аккуратно забирается в витрину, садится на корточки, обхватив правой рукой колени, левой рукой прикрывая за собой стеклянную дверцу. Кляйн склоняет голову, смотрит вниз, долго сидит, в зале резко гаснет освещение.

Сначала не было понятно. Я вышел из дома, пошел в сторону овощной лавки, закурил. От подъезда до овощной лавки ровно полсигареты. По дороге я видел примерно то же, что и всегда, собаку, человека в очках с поводком, сорокалетнюю женщину с зонтиком, хотя никакого дождя в помине не было, соседскую девочку в зеленой куртке, потухший фонарь на углу дома. На обратном пути я увидел пустоту. Она была повсюду, как бы проникая в мир, но не изничтожая его, как бы поселяясь на ветках деревьев, в мусорных пакетах, в шерсти собаки. И люди по-прежнему были на своих местах, но в них тоже было пусто. Примерно так. Я шел обратно и видел, что вокруг стало вот так. Но ничего не было понятно. Шел и всматривался в пустоту. Поднялся на свой третий этаж, долго сидел и смотрел на стену, не включая

свет. Мне стало страшно, по-настоящему, как будто кто-то умер или произошло что-то неотвратимое. Может, и произошло что-то неотвратимое. Может, так и было изначально задумано. Потом всякий раз, когда я выходил наружу, я видел нечто подобное. Пустота прорастала в предметы, в одушевленные, в неодушевленные. К привычной сырости прирастало это чувство, когда на ходу путаешься, не помнишь последовательности. Не буквально. Именно на ходу. Это сиюминутное, очень короткое, почти неразличимое сначала, как гул прибывающего поезда в метро, потом назревающее, как когда тебе сообщают нечто пугающее, а ты некоторое время сидишь как ни в чем не бывало, как петух, когда ему отрубят голову, бегаешь, примерно так. Идешь, оно впускается в голову, всполохом, чтобы дальше без оглядки, чтобы как будто ничком в серое бесформенное, но мягкое, чтобы окунуться, но едва. Примерно так. Не знаю. С каждым разом было невыносимее. Я буквально ощущал пустоту в носу, на языке, в горле, на коже. Не можешь привыкнуть. И боишься привыкнуть. Повторяешь про себя, что привыкать ни в коем случае нельзя. Как бы сильно ни хотелось. Как когда болит живот, готов что угодно отдать, чтобы перестал, готов на любые предложения, можно подсунуть что угодно, можно уговорить на что угодно, если долго, возникает паника, животное чувство, загнанность, беспомощность, ходишь, как заводная игрушка, из угла в угол, потом боль проходит, вот это, когда привыкаешь, когда соглашаешься

привыкнуть, но я не. Я перестал выходить наружу. Сначала выходил реже, искал повод не выходить, не сталкиваться, не оказываться, ни при каких. Мне действительно казалось, пройдет, не будет, закончится, но продолжалось, и я перестал, в конце концов что может случиться, если я перестану, я ведь видел всякий раз примерно одно и то же, поэтому я перестал, сначала ненадолго, поступательно, слегка. Потому что казалось, временно, как боль в животе, это можно превозмочь, перетерпеть, не знаешь, что можно, поначалу, потом проясняется, некоторым образом проясняется, несколько становится яснее, примерно так, но нет. Поскольку мне казалось, мне казалось то же самое, что и потом, в конце концов, примерно так. Я прекратил свои вылазки, выползки, я прекратил проникать в пустоту, и мне показалось взаимно, мне показалось, и она. Я прекратил выходить, когда было довольно ясное, но серое небо, и бегала собака, по лужам, похожая на человека на четвереньках, голого, но грязного, было точно так же. Пустотой к тому времени было пропитано все, как когда салфетку, как когда промокнуть, промокает, проступает силуэт, что-то такое, похожее на человекоподобие, когда молекулы или что-то мельче, незначительней проникает. К тому времени там было нельзя. Я не выходил, изредка наблюдал, белки, собака, девочка в зеленой куртке, ветки. Ничего значительного не было предусмотрено. Я не видел иного развития событий, поэтому я сидел и поглядывал, может, что-то неотвратимое произошло все-та-

ки, я предполагаю похожее. С тех пор не. Почему. Нечем дальше, вследствие. С тех пор не выходил. Я знал женщину, она заикалась, проговаривала, щупая каждую букву, как по ледяной корке, ступая, едва соприкасаясь с поверхностью и. Заикалась, с трудом выговаривала целиковую фразу, потому как. Я точно так же теперь теряю мысль, теряю последовательность, там, когда я. И ничего не поделаешь. Не покидал, мне часто кажется, что я тогда стал видеть именно то. Самое, что должен был увидеть, задумано, заведомо должен был, и потом. А. Как это. Все чаще. Зыбко. Как будто на ощупь. Мне не видно. Дальше. Я оставался в закрытом пространстве, незамысловатая геометрия. Они стремились придумать такое устройство помещения, чтобы вместились как можно больше. Но помещение маленькое. Очевидная геометрия. Проникая, понимаешь сразу, куда можно идти. Куда не. То есть передвижение продиктовано. Намечены возможные пути. Я хожу по ним согласно разрешенным вариациям. Пока там все так. Мне нравится ощущать, что ничего не происходит, вещество существования, что ничего не. Это не очевидное. Возможно, неизбежное. Мне кажется, я вижу, как зияет некий нутряной механизм под оболочкой комнаты. Пульсация, нет, не то. Несущие конструкции, коммуникации. По трубам течет смесь воздуха. Я представляю себе вероятность. Что подобная мне молекулярная масса может теоретически оказаться. Или не здесь. Представляю комнату, в которой жил в детстве. Точно такую, с большим

квадратным окном и дверью в пустой коридор. Где обыкновенно поставлены шкафы с одеждой и хламом. Я был внутри этого. Я не всегда был замечен, осязаем. Как теперь. Тогда мне казалось. Сейчас несколько по-другому. Сейчас я двигаюсь геометрически. Как бы то ни было. Разыскивая уютное переживание. Изо всех сил. Насколько хватает. Как когда прижмешься. И никто не отталкивает, совсем иначе, когда проникает. На уровне элементарных частиц. Точно так же, как проникло в улицу, в ее составные части. Точно так же, как появилось повсюду, дабы поглотить. И это тревожит. Как если бы в закрытой гостиной, где ни сквозняка, окна закрыты, вдруг потухает свечка, как-то. Непонятно как. Но происходит. Это состояние. Как с тех пор, как там. Но потом откуда-то изнутри. Уже поблизости. Приближаясь, наступая на пятки. От этого как будто не скрыться. Но я, по крайней мере. Здесь присутствует больше безопасности, наверняка. Больше, чем там. Не буквально. Поскольку могло произойти нечто неотвратимое. Не буквально. Но вроде бы. Мне так кажется. Мне нравится такое ощущение. Во всяком случае. Поступательно, тщательно, по мере истощения, я не уверен. Не мне, пожалуй. Но как будто иначе не получается. Мне не видно. Дальше.

Знаешь шутку про мир и брюки.

Знаю.

Так вы взгляните на это мир и взгляните на эти брюки.

Понятно, что кое-как.

Ты откуда эту шутку знаешь. Слышал.

Читал.

То есть у нее есть автор.

Нет. Не знаю. Вряд ли. Скорее всего, нет.

Если так пойдет дальше, надо хорошенько подумать
над отоплением.

Нормально.

Да что-то не очень нормально.

Надень носки.

Не помогло.

Здесь не холодно.

Холодно.

Поэтому ты решил их больше не носить.

Поэтому я решил их больше не носить. Толку.

Логично.

Он все время мерзнет.

Я все время мерзну.

Ты и раньше все время мерз.

А я не говорю, что произошло что-то новое.

Но ныть ты начал именно сейчас.

Я тоже мерзну.

Ну я тоже, бывает, что мерзну. Но не ною.

Ты вообще ко многому проще относишься.

К чему-то да. Потому что иначе можно лечь и умирать.

Или лечь и спать до бесконечности.

Что одно и то же.

Что одно и то же.

А мне кажется, надо произносить вслух.

Что.

Что угодно. Все. Если хочется что-то сказать, надо говорить вслух. Если мерзнут ноги, так и скажи, у меня мерзнут ноги. Нечего скрывать.

Но ведь это никому не интересно.

Ничего никому не интересно. Вполне привычный порядок вещей. К этому пора привыкнуть.

А ты его хотел удивить. У него что угодно привычно и понятно.

Вот тебе интересно, что у меня болит.

Да. Мы давно тут, мне важно, чтобы никто ничем не болел. Чтобы все было хорошо, спокойно, без происшествий.

У нас хорошо получается без происшествий.

Не всегда. Но это ничего не меняет.

А если у тебя самого заболит живот, тебе интересно будет, что у меня тоже живот болит.

Да. Почему мне должно быть не интересно.

Потому что, если у человека что-то происходит, его именно это только напрямую и касается. А все, что у других, то у других, а это другие и все такое.

По-твоему, нет ни взаимовыручки, ни сострадания.

Есть мотивы. Взаимовыручка или сострадание могут приносить выгоду. Тогда да, они обретают смысл. Но помощь

сама по себе, каким-то посторонним, потому что они нуждаются. Это болтовня, либо психическое отклонение.

Уверен.

Уверен. Не сомневаюсь. Если у тебя голова заболит

Живот.

Голова, живот, что-нибудь из твоего тела вдруг заболит, мне на самом деле будет все равно. Этикет не позволяет мне в этом публично признаваться. Поэтому я буду изображать, что мне есть дело до твоей головы

Живота

Живота. Хотя дела нет. И вот именно когда у меня самого заболит голова или живот, я больше изображать не смогу. Потому что мои собственные переживания вытеснят твои. Поскольку свое важнее.

Инстинкт самосохранения.

Инстинкт самосохранения, да. Сострадания в нем нет.

А как же животные.

А что животные.

Они испытывают сострадание.

Чтобы покормили.

Не влезай. Животные.

С чего ты взял, что животные испытывают сострадание. Возможно, это побочное. То есть, например, ты думаешь, что кошка рада тебя видеть, а она рада видеть источник питания. Никакого сострадания у животных, скорее всего, нет. Есть вполне прямолинейные инстинкты. И животные, в от-

личие от людей, их не особенно скрывают.

Человек социальное млекопитающее. Значит, есть другие виды млекопитающих, стремящиеся к социализации.

У животного есть рога, человек животное, значит, у тебя есть рога. Софистика.

И поэтому ты решил больше не носить носки.

Поэтому тоже. Но в первую очередь потому что что никакой разницы, что с ними, что без них. Никакой разницы.

Но человек зависим от норм поведения.

Никак не закончит.

Ему жизненно необходимо общаться с другими людьми, поэтому он придумывает различные правила поведения. Потом следует им. Потом заставляет других. Если другие не подчиняются, применяет силу. Либо соглашаются и следуют. Вот этими механизмами продиктована твоя взаимовыручка, сострадание. Так-то человеку незачем беспокоиться о других.

Ты давно мылся.

Вчера. Не знаю.

Мне кажется, не помешает. Или тоже лишено смысла.

По-хорошему, да.

Отойди, ты заслоняешь мне солнце, сказал Диоген.

Личная гигиена помогает. Успокаивает.

Мне кажется, его уже ничего не успокоит.

А меня удивляет, что вы настолько спокойны. Происходит непонятно что.

Понятно что.

То, к чему мы худо-бедно привыкли, буквально рассыпается. Как раньше, никогда не будет. Как будет, непонятно. Что делать, тоже непонятно. Непонятно еще, что будет, если ничего не делать. Сколько мы тут.

Долго.

Мы все-таки заблуждаемся, когда говорим, что все понимаем.

Пошло звучит.

Не существует непрерывности наблюдения. Мы моргаем Ну и что.

И всегда видим фрагментарно. Прерываясь.

И.

Мы никогда не можем утверждать, что поняли, что на самом деле происходит. Мы так или иначе заблуждаемся.

И ты решил говорить банальности. Для собственного успокоения.

Не перебивай его, пусть говорит.

Я к тому, что ни я, ни ты не сможем твердо сказать, что знаем, почему все это происходит и куда это ведет.

Обобщения. Налей мне тоже.

Будешь.

Нет. Я просто пытаюсь сформулировать. Чтобы понять, к чему и зачем это

Спасибо. И сахар.

И не понимаю. Ну просто не может быть, что некие люди

приходят и делают, что им захочется.

Может.

Просто приходят и делают что угодно. Это ведь не бывает. Существуют правила. Иначе любой человек может делать что угодно.

Не любой. То есть может любой, но не любому можно. Все звери равны, но одни равнее других.

Фактически любой. Если наделен властью.

Вот это другой разговор.

Его раздражают звуки.

Можешь не издавать такие звуки.

Горячо. Я не могу пить большими глотками.

Подожди, пока остынет.

Если наделить властью, то, получается, можно делать что угодно.

Снова очевидное.

Так я не понимаю, как это и почему так можно.

Потому что наделенные властью

Ну они же почему-то ее обрели.

Ну подожди, пока остынет.

Почему-то обрели. Скорее всего, последовательно стремились. Либо оказались в сложившейся ситуации, и возник аппетит.

Этого я и не понимаю. Почему за меня сделали выбор, что должен.

Холодно.

Надень носки. Вообще надень побольше одежды.

Я привык дома ходить в чем попало.

Ты не дома.

Дома я не буду.

Мне всегда было интересно, как люди становятся затворниками.

Из религиозных соображений.

Нет. Не из религиозных. Те, что однажды решают исчезнуть из поля зрения. Особенно публичные личности. Одно время они стремились

Всем понравиться.

Всем понравиться, быть на виду. Потом решают, что все это им больше не нужно. И пропадают.

Ничего интересного.

Тебе ничего не интересно.

Мне неинтересны совершенно очевидные вещи. Нет никакой тайны. Решение отдельного человека. Устал, закрыл дверь, обил стены пробковой доской, лежишь, пишешь, после смерти снова вернешься

В общественное достояние.

Или не вернешься.

Или не вернешься. Но дверь ты уже закрыл. Смелость.

Глупость.

Я бы не назвал это глупостью. Недальновидность.

Не уверен.

Содержание с формой. Форма периодически меняется.

У содержания нет формы, оно само форма. Рихтер, художник, капиталистический реализм. Хочешь скрыться ото всех, желание сразу обрывается формой. Поведение как бы продиктовано заранее.

Фатализм.

Ракурс меняется. Польке, тоже реализм, как-то специальной химической смесью нарисовал на стене павильона абстракцию, краски меняли цвет в зависимости от освещения, в разное время суток по-разному. В зависимости от температуры воздуха, влажности, количества народа в помещении. Алхимия.

Не вижу связи.

Я тоже.

Содержание не меняется. Краски, химический состав. Меняется ракурс. То же с затворничеством. Сначала хочешь спрятаться, чтобы никто не отыскал

Мы с тобой уедем на вокзал.

А потом меняется ракурс. Мы про это говорим.

Мы не про это говорим. Мы говорим о том, что делать, если вынудили сидеть взаперти. И про тех, кто добровольно.

Ну да. Мы про это говорим.

А те, кто добровольно, правда ли добровольно.

Не исключено, что да.

Не исключено. Но, может быть, что нет.

Может быть, что нет.

Но не исключено, что да.

Это как тюремное заключение. Но по собственному. Сам выбрал, послушно сиди, не ной. Ответственность на тебе.

Какой-то пустой, бессмысленный получается разговор.

Как всегда.

Я спать. Больше не могу.

Я тоже. Ты еще посидишь.

Да. Немного. Полчаса.

Долго вчера сидел.

Нет. Не долго.

Вид у тебя такой, как будто вообще не ложился.

Пару часов спал.

Боишься.

Боюсь. Все время думаю про шкаф. Вертится в голове. Усну, и будет то же самое. Страшно. Причем как-то не осознанно, по-животному. На уровне рефлексов. То есть вроде бы понимаешь, что в какой-никакой безопасности, но это головой, а тело недоосознает. У тебя наверняка так было.

Было. У всех было. Наверно.

В этом состоянии я все время и нахожусь.

И не спится.

И не спится.

Будешь.

Нет. Уже третья чашка. Не помогает.

Сегодня то же самое.

Ну да. Я, кстати, никак не могу найти то место, о котором

рассказывал.

Где про дом величиной с камень.

Про камень величиной с дом. Который над тобой висит.
Не помню, где это.

Тут как-то с книгами не очень.

Это известная фраза. Ее все знают. Но найти не могу.
Где это было. Уверен, потом вспомню, буду удивляться.

Вспомнишь. Бывает, что просто приходит в голову. Будешь.

Нет.

Тебе хотя бы иногда надо что-то есть.

Ему не хочется есть.

Не хочется.

Через не хочу.

Не получается.

Не думай о нем.

Какой сегодня день.

Кажется, четверг. Не думай о нем.

Не думаю. Не могу. Думаю. Против желания. Само думается. Это как страх перед остановившимся временем, перед этим, где нет разнокачественности и, значит, времени. Страх перед мертвецом, страх перед тем, что он, может быть, все еще жив. Жив как бы отголосками нашей привычной жизни и сразу гниением. Вот эти два процесса подымут.

Живой мертвец.

Что-то такое. Страх перед предположительным.

Тоже где-то было.

Тоже где-то было. Где, не помню. Было. Поэтому нам страшно смотреть на мертвеца, хотя он предмет. Был субъект, стал объект. Довольно-таки мгновенно. Был, стал. Я это особенно болезненно. И вот это недоосознаешь. Но есть.

Не думать не пробовал.

Не думать не выходит. Пробовал. Может встать и выйти. Предмет встает, вот, скажем, этот чайник или холодильник, встает и идет как ни в чем не бывало, идет, бубнит что-то, вдруг. К этому нельзя относиться обыкновенно. Явление странное само по себе. В нем есть неясное. Спит.

Спит еще.

Ну вроде бы недолго еще.

Недолго. Не будем будить.

Давай включу.

Сколько сейчас.

Не знаю. Но уже вечер.

Не заметил, как прошел день.

Кажется, ты вообще не замечаешь, как дни проходят.

Потому что не вижу разницы.

Если задуматься, разницы никогда не было. Будешь.

Я перекусил.

А ты.

И я перекусил. Попозже.

Давно проснулся.

Давно. Недавно. Запутался.

Я сделаю побольше. Вы потом решите, может, доедите.

Все-таки ты из нас самый бодрый. Не понимаю, откуда черпаешь силы.

Да как-то не вижу смысла перемалывать все это в голове.

Тебя не смущает, что кто-то пришел и поставил тебя в, в общем-то, безысходное положение.

Не смущает. Смущало. Теперь нет. Я не могу ничего в этой ситуации поменять. Как бы ни хотелось.

Все же буду, положи немного.

Осторожно, горячо. Не смущает. Они все равно будут делать так, как выгоднее им. Мы лишены всякой возможности влиять. Нам говорят, мы либо делаем, что говорят, либо бежим сломя голову. Мы с вами решили бежать сломя голову. Как тараканы, когда свет. Убежали, спрятались, сидим, подсматриваем из-под полы, следим, подслушиваем и над этим думаем, переговариваемся. Но сколько бы ни переговаривались, ничего не меняется. Не мы решаем, мы прячемся. Одни решают, другие прячутся. История. Закономерности. Большая цивилизация, маленькие тараканы. Все ото всех бегают. Главное, что основная масса никуда не бежит. То есть три категории, одни решают, другие бегут, а большинство сидит и надеется. Не задумывается, надеется. Уверено, что вот-вот и сгинет, что еще осталось потерпеть немножечко, и ничего такого больше не будет, потом будем сидеть, вспоминать. Это подавляющее большинство, основной, на самом деле, процент. Аморфное такое

множество, как кисель, ешьте меня, ешьте. Не мазохизм, скорее лень, продиктованная страхом перед неизвестностью. На этом строят большие всеобщие идеи. Соблазнительные. Ну как тебе. Вкусно. Идея фикс. Ощущение противодействия, общности, взаимовыручки. Ее нет, есть большие идеи, скажи мне, что делать, говорят. Ну не буквально. Но в целом. Смотрят в телевизор, говорят, ну давай, скажи мне, что делать. Нужна подсказка, шпаргалка. Телевизор говорит, сиди пока, жди, скажу, что делать, ожидай приказа. Сидит множество, ждет, ожидает указаний, не думает, потому что телевизор сказал сидеть и ждать. Потом говорит, давай, вставай огромное множество, идем туда, надо мне, чтобы ты поуменьшилось слегка, но сперва покричало. Ну и встает, идет. Поведенческий механизм. Одни решают, другие сидят и ждут, потом слушаются. Не потому, что послушные, а потому, что такими предполагаются. Функция у них примерно такая, быть. Основная масса стремится быть. До тех пор, пока можно, потом при необходимости готово частично не быть. Такой вот баланс. А мы какой-то несущественный кусок, болтаемся вдальеке, ненужные ни тем ни этим. Тем, которые решают, мы крысы сбежавшие. Тем, которые надеются, мы вообще непонятно что, тараканы-болтуны. Мы при этом думаем, что можем влиять. А не можем. И никогда не могли. И не предполагалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.